

Запрещаю тебе уходить

Автор:

Алиса Ковалевская

Запрещаю тебе уходить

Алиса Ковалевская

Когда-то я любила его, а он кинул документы на развод и выставил за дверь. Я ушла, не взяв от него ничего, кроме маленькой жизни под сердцем. Спустя пять лет у меня любимая работа и прекрасный сын. И всё бы хорошо, но теперь мой бывший муж, Евгений Воронцов – мэр города, и я могу лишиться работы и всего, что мне дорого, если не соглашусь на его условие...– Что тебе от меня нужно?! – огрызнулась я.– Заключим сделку, – выговорил он жёстко. – Я подумаю, что можно сделать, чтобы ты не лишилась работы. Я вскинула голову. Он всегда был тем ещё мерзавцем: амбициозный, упёртый, идущий к цели. Выходя замуж, я знала, что Воронцов не принц на белом коне. Но даже представить не могла, насколько он может быть безжалостным.– И что же я должна сделать взамен? – спросила сухо. – Рассказать о твоих подвигах? Или неземном благородстве? Может, подобрать невесту с учётом предпочтений в постели?– Вернуться ко мне.

Алиса Ковалевская

Запрещаю тебе уходить

Пролог

Настя

Ещё до конца не проснувшись, я было потянулась к мужу, но в постели его не оказалось. Я открыла глаза. Сердце забило беспокойно. Комната, как и постель, была пуста. Почему именно сегодня? Сон рассеивался, а вместе с этим приходила ясность.

- Вот же дура, - шепнула я.

Зевнула и положила ладонь на низ живота. Губ сама собой коснулась улыбка.

- Наш папа в командировке. Так что скажем ему о тебе немного попозже.

В квартире было тихо. Настолько тихо, что тишина отдавалась звоном в ушах. Ни привычных пожеланий доброго утра, ни утреннего поцелуя. Как же я ненавидела, когда Женя уезжал!

Умывшись, я накинула халат и, как была непричёсанная, вышла на кухню. И тут же наткнулась на мужа. От неожиданности чуть не вскрикнула. На совершенно пустом столе стояла чашка, рядом лежали бумаги.

- Ты когда успел вернуться? Что-то случилось?

Я обняла его со спины, и он мгновенно напрягся. В Санкт-Петербурге он должен был пробыть несколько дней. Учитывая, что уехал Женя только вчера, было понятно: что-то изменилось.

- Ничего не случилось, - ответил он сухо. - Ты меня не ждала?

- Ждала, просто... - я вздохнула, - не думала, что ты приедешь так быстро. Но раз уж ты здесь... Женя, мне нужно тебе кое-что сказать.

Неожиданно он обернулся. Я разжала руки, наткнувшись на тяжёлый, непроницаемый взгляд. Раньше он на меня так никогда не смотрел. Захотелось поёжиться.

- Что ты хочешь сказать? - уголок его рта дрогнул.

– Что-то очень-очень хорошее, – я приподнялась на носочки. Поцеловала его в колючий подбородок. Ещё раз. Дотронулась до груди. – Настолько хорошее, что ты забудешь про свои дела, – я коснулась его снова.

Женя молчал. Взгляд его смягчился, и меня стало отпускать. Вздохнув, я налила себе стакан воды. Сделала несколько глотков, поставила на стол и снова повернулась к мужу, поспешно отогнав подпитанную дурным предчувствием мысль, что лучше отложить новость до подходящего момента.

– Я беременна, Жень, – я подошла к нему, обхватила его ладонь и положила себе на живот. Выразительно посмотрела в его глаза.

Обычно серо-голубые, они начали темнеть. Я улыбнулась.

– Ты кого хочешь? Мальчика или девочку? Представляешь, узнала вчера, а тут твоя командировка...

Он резко отдернул руку. Глаза его стали совершенно тёмными.

– Решила повесить на меня чужого ребёнка? – процедил он сквозь зубы ледяным тоном. – Думала, я ничего не узнаю? За дурака меня держишь?!

Я не сразу поняла, о чём он говорит. Сознание просто отказывалось воспринимать слова. Онемевшая, словно рыба, я смотрела, как он обходит стол, как передо мной ложатся бумаги. Хотелось зажмуриться, сдавить пальцами виски, потрясти головой, а потом открыть глаза и понять, что всё это мне привиделось.

– Что ты говоришь? – выдавила я. – Чего ты не узнаешь? Жень... Какая муха тебя укусила?

Он холодно, цинично усмехнулся и вдруг как никогда грубо толкнул меня к столу.

– Не изображай дуру. Если ты держишь меня за идиота, я тебя безмозглой никогда не считал. Подписывай бумаги, Насть. У тебя было всё. Теперь не будет ничего.

Я взяла листы. Строчки расплывались, на глазах выступали слёзы.

– Что это? – я судорожно перевернула верхнюю страницу непослушными пальцами. – Что это, Жень?! – бумаги упали на стол. Я схватила глоток воздуха, резко обернулась и вгляделась в окаменевшее лицо мужа. – Это документы на развод?! Женья...

– Да, – он взял меня за плечо и заставил повернуться обратно. – Подписывай, собирай вещи и проваливай. Так и быть, можешь взять всё, что хочешь.

Я слизала с губ слёзы. Вдохнула и кое-как собрала буквы в слова, потом в предложения. Зря. Бумаги снова выпали из рук.

Возле моих пальцев упала брошенная Женей ручка. Кивком он указал на листы.

– Подписывай и убирайся, – холодный, бескомпромиссный голос.

Это не могло происходить по-настоящему. Сон. Просто дурной сон.

– Я же беременна, – всхлипнула я, взяв её. Повернула голову, но вместо слов получился новый всхлип.

– Это уже не моё дело! – рявкнул муж. – Беременна ты не от меня!

Я сама не поняла, как крепче сжала ручку. Слёзы душили, Женья стоял позади, и я чувствовала его ярость. Одна за другой на лист упали две капли.

– Доволен?! – закричала я, расписавшись, и швырнула ручку ему в лицо. – Мог бы просто сказать, что я тебе надоела! Доволен теперь?!

– Более чем, – он забрал бумаги и отошёл. – А теперь собирай вещи и проваливай из моего дома. У тебя есть весь день, чтобы собраться. Я вернусь вечером. Чтобы к этому моменту здесь не было ни тебя, ни твоего барахла. Позже пришлю к тебе человека, он заберёт ключи. И не вздумай меня шантажировать. Пожалеешь.

Глава 1

5 лет спустя

Настя

- Сегодня она ленилась, - сдав на руки матери свою восьмилетнюю ученицу, сказала я. - В последнее время Кате не хватает внимания. У вас дома всё в порядке?

Женщина замялась. Ясно. В общем-то, ответ мне был не нужен.

- Ваши проблемы отражаются на ребёнке, - выговорила я строго. - Соответственно, на результатах. Скоро у нас соревнования. Если хотите, чтобы Катя выступила на них успешно, оградите её от ваших проблем с мужем. Всё дело в этом, как я понимаю.

- Анастасия, это наше семейное дело. Вы тренер Кати, а не...

- Именно, тренер, - оборвала я её. - И, как тренер, я вижу в ней потенциал.

Девочка, о которой шла речь, скромно переминалась с ноги на ногу у выхода с катка. Я посмотрела на неё, снова на её мать. Та была недовольна. Я бы тоже была недовольна. Я бы тоже на её месте не пришла в восторг, если бы кто-то потрянул грязным бельём прямо у меня перед носом. Но амбиции брали своё. И желание сделать из дочери чемпионку тоже.

Наконец каток опустел - остались только мы с помощницей.

- Думаешь, поможет? - спросила Вероника, проводив взглядом ученицу.

- Думаю, нет. Но у неё хотя бы будет повод задуматься.

Сказав это, я почему-то вспомнила о своём незадавшемся замужестве. Вздохнула. Прошло почти пять лет, а на меня время от времени всё ещё накатывали горечь и злость. Сколько я ни пыталась выстроить хоть что-то на месте разваленных отношений, не выходило. Хотя... Не то чтобы я сильно старалась.

Словно прочитав мои мысли, Вероника спросила:

– Тот хоккеист... Егор. Ты думаешь с ним встретиться ещё раз? – словно прочитав мои мысли, спросила Ника. Я ответила ей выразительным взглядом. – Понятно. – Она проехала вдоль борта. Затормозила около меня. – Он красавец.

– Ты не забыла, что замужем? Если бы твой Дима услышал...

– То, что я замужем, не отменяет того, что у этого хоккеиста охренительная задница! Другая на твоём месте не думала бы.

Я тихонько засмеялась. Пospорить с этим было трудно.

– Но я не другая, – уже серьёзно ответила я и открыла дверцу.

Ника подъехала ко мне. Дотронулась до руки.

– Не другая, – согласилась она. – И поэтому я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты этого достойна.

– Я счастлива, – я показала на каток.

Я и правда была счастлива: любимая работа, подруга, своя, пусть и маленькая, квартирка в зелёном районе. Об этом многие могли только мечтать.

– Ладно, – Ника сдалась. – Ты сейчас к Яковлевичу?

– Угу, – я надела на лезвия коньков чехлы. – Не знаю, что ему нужно, но утром он был мрачнее тучи. Говорят, влепил кому-то выговор, потом закрылся в кабинете и не выходил. – Вероника нахмурилась, а я, надев толстовку, собралась к выходу. – Пойду я. Что бы там ни было, надо с этим разобраться.

Директор спортивного центра, где находился каток, на котором я работала главным тренером, ждал меня в кабинете. Обычно приветливый, сегодня он только сдержанно кивнул и показал на кресло по другую сторону стола. Сам садиться не стал, как стоял, положив руки на спинку своего, так и продолжил стоять, пронзая меня пристальным взглядом из-под густых, с проседью, бровей.

- Что случилось? - не выдержала я. - Вы же не просто так меня вызвали, Степан Яковлевич.

- Не просто, - кивнул он. Взял со стола бумажный пакет для документов и подтолкнул ко мне.

Пакет был вскрыт. Я вытащила листы.

- Читай, - приказал директор.

Чем дальше я вчитывалась в написанное, тем больше приходила в недоумение. Я подняла взгляд.

- Это ошибка. - В написанное я верить не желала. - Это новый центр.

Степан Яковлевич не ответил. У меня засосало под ложечкой. Ощущение было, что я получила удар прямо в солнечное сплетение.

- Этого не может быть, - прошептала я, уже понимая, что может.

Степан Яковлевич отвернулся. Шумно вздохнул. Я опять взяла бумаги и стала вчитываться уже внимательнее. Официальное распоряжение о закрытии центра с его последующим сносом и строительстве на этом месте жилого комплекса.

- Так не должно быть! - Я положила бумаги на стол и поднялась. Подошла к директору. - Мы должны что-то сделать! Тут не могут поставить дома! Это... Это какая-то ерунда! Ошибка!

– Никакой ошибки, – выговорил он жёстко, глядя мне в глаза. – Распоряжение подписано мэром. – Взгляд его стал ещё более мрачным, недосказанное повисло в воздухе. – Если кто-то и может что-то сделать, это ты, Настя. Больше никто.

Вероника ждала меня в тренерской. Только я вошла, она вопросительно посмотрела на меня, но я лишь отрицательно мотнула головой.

– Что-то серьёзное?

– Выйдем на улицу, расскажу.

– Ладно. Давай я тебя подвезу.

– Не надо, Ник. Время уже позднее. У тебя дочка, езжай к ней. И так всю неделю с катка не вылезала.

Пока я собиралась, Ника сидела молча, сложив на коленях ладони. Ей, в отличие от меня, в жизни выпал джекпот: муж, готовый ради неё перегрызть горло любому, уверенность в завтрашнем дне и отсутствие необходимости отвечать на вопрос своего ребёнка «Почему у нас нет папы, мам?».

Я отругала себя за эти мысли. Выпавших на долю Вероники испытаний хватило бы на троих. Уж кому-кому, не мне ей завидовать точно.

– Пошли, – переодевшись, я взяла сумку.

– Так ты расскажешь, в чём дело? – уже когда мы шли по холлу первого этажа, снова спросила Ника.

Директор просил меня пока никому не говорить. Но в Веронике я была уверена, как ни в ком другом. Что-что, а треплом она никогда не была. Да и связи её мужа могли пойти на пользу.

– Центр хотят пустить под снос, – сказала я, открыв входную дверь.

Ника порывисто обернулась.

– Что за бред?!

Я только качнула головой. Вероника выругалась. Прошла вперёд меня, остановилась, гневно сверкнув глазами. Но сказать ничего не успела: у выезда с парковки остановилась огромная чёрная машина.

Сперва я подумала, что это муж Ники, но тут дверь открылась. Один за другим из внедорожника вышли трое громил в чёрном. Один из них обошёл машину и открыл заднюю дверцу.

– Это ещё что за чудеса? – прозвучал рядом голос Ники.

Я смотрела на машину, боясь закравшегося внутрь предчувствия. Как в замедленной съёмке, я видела каждое движение: этакая раскадровка реальности. Чёрные лакированные ботинки, чёрные брюки и небрежно расстёгнутый пиджак. Выйдя из машины, мужчина скривил уголок рта. Склонился к заднему сиденью. В руках его появилась белая роза.

– Это же... – Ника, казалось, язык проглотила. – Что тут Воронцов забыл?

Она повернулась ко мне. Я уловила её движение, не отводя взгляда от мужчины с розой.

Двое охранников двинулись вперёд, он вместе с ними.

– Ты его знаешь? – вдруг поняла Вероника. – Ты знаешь нашего нового мэра?

Да, я знала его. И знала ещё до того, как он стал мэром. Когда-то этот мужчина дал мне крылья, а потом растерзал их, оставив кровоточащие обрубки и каплю света, ставшую для меня персональным солнцем.

– Хотел пригласить тебя в гости, – подойдя к нам, произнёс бывший муж, – но передумал и решил приехать сам. – Перевёл взгляд на Веронику. – Ника, кажется? – он протянул ей розу. – Свободна, – сказал он Нике и сделал знак своим людям: – А её – в машину.

– Сама дойду, – отдёргнула я руку, когда один из охранников попытался взять меня за локоть.

Под конвоем я двинулась к машине. Уператься смысла не было, тем более сейчас. Верить в совпадение было глупо: сначала разрешение на строительство жилого комплекса вместо спортивного центра, одобренное им лично, теперь он сам.

Не успела я оказаться в машине, дверь захлопнулась и тут же распахнулась другая, с противоположной стороны.

– Поехали, – бросил Воронцов, как только один из его громил сел спереди.

– А как же эти? – спросила я, показав на оставшихся на улице охранников.

– Они большие мальчики, дорогу найдут.

Машина проехала мимо стоявшей с белой розой в руках Вероники. Её беспокойство было заметно даже на расстоянии. Но вряд ли она хоть отдалённо представляла, насколько близко я была знакома с новым хозяином столицы. Так близко, что ближе не бывает!

– Если мне изменяет память, ты сказал мне, чтобы я убиралась и больше никогда не совалась к тебе. Извини, дословно не скажу.

– Это было давно, – лениво выговорил он, вальяжно откинувшись на спинку кожаного сиденья.

Как всегда, безупречный. Ворот рубашки был расстёгнут на две пуговицы, пиджак лежал между нами. Я касалась его мизинцем и не могла отделаться от мысли, что надо убрать руку, но при этом не делала этого. В машине пахло властью и деньгами с примесью терпкого мужского одеколona. Его чёрные волосы, как и несколько лет назад, завивались у висков, кожа отливала бронзой. Только в глазах не было ни намёка на тепло, лишь цинизм, расчёт и колющий холод.

- Что тебе нужно? – спросила я прямо. – Что тебе, мать твою, от меня нужно?!

- Не так быстро, Насть. Сколько мы с тобой не виделись? Четыре года?

- Я не считала, – огрызнулась я зло.

Нет, будь он проклят! Не четыре, а пять! Почти пять лет этому мерзавцу не было до меня дела. Пять лет назад я ушла в никуда, не взяв с собой ничего, что дарил мне он, ни единой купленной им вещи. Потом, ютясь в съёмной комнатухе с крохотным ребёнком, я ругала себя за гордость, за глупость, но, уходя, я не хотела от него ничего. Только ответы на вопросы, задать которые он мне не позволил. Сейчас же и они мне были уже не нужны.

- Давай вместе посчитаем.

- Иди к чёрту! Зачем ты всё это устроил? Только не говори, что соскучился. Не поверю.

- А если и правда соскучился? – он издевательски хмыкнул.

Меня потряхивало от ярости. Глумливая усмешка с его губ не сходила, а сука-память подкинула воспоминания о прошлом.

Я вспомнила утро, когда я, выйдя в кухню, увидела на столе букет белых роз и крошечный конверт размером не больше спичечного коробка. Когда, открыв его, едва не выронила обручальное кольцо и почувствовала его ладони на бёдрах. Поцелуй в шею и усмешку. А после тихое: «Похоже, ты та женщина, отпустить которую я никогда не смогу. Так что, выходи за меня, Настька. Всё равно никуда не денешься».

А потом мне вспомнилось другое утро и жёсткие слова, разодравшие в кровь моё сердце.

- Если ты не оставишь центр в покое, – проговорила я, глядя ему в глаза, – я сделаю всё, чтобы испортить тебе жизнь. Я на телевидение пойду, Воронцов. Мало тебе не покажется. Может быть, у меня нет такого влияния, как у тебя, но отмываться тебе придётся долго. А я буду делать всё, чтобы ты вымазался по

самые уши. Считаешь, тебе всё можно? По-хорошему тебе говорю: центр не трогай. Тебе же хуже будет.

Выпалив это на одном дыхании, я поняла, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. И да, чёрт возьми! Это пять лет назад я была совсем девчонкой, позволившей унижить себя и выставить за порог. Больше этого не будет.

Женя некоторое время молчал, а потом несколько раз громко хлопнул в ладоши. В этот момент я почти бросилась на него. Что заставило меня сдержаться, сама не знаю.

– Будешь мне угрожать, твой центр исчезнет через неделю, – отчеканил он. – И ты ничего не сделаешь. Кто ты такая? Третьесортная фигуристка, мечтавшая попасть на Олимпиаду хотя бы хвостом сборной? Кто? Кому ты нужна? Моё слово против твоего, и всё. Тебя не возьмут ни на один каток. Попробуешь уехать за бугор? Давай. Только и там ты никому не сдалась.

– Ну, знаешь, – процедила я. – Прикажи остановить машину. В таком тоне разговаривать я с тобой не собираюсь. Посмотрим, кто кому и где нужен.

– Ты никуда не пойдёшь, – выговорил он жёстко, даже не подумав дать распоряжение.

Я вскинула голову. Он всегда был тем ещё мерзавцем: амбициозным, упёртым, идущим к цели, если это нужно, по головам. Выходя замуж, я знала, что он не принц на белом коне. Но даже представить не могла, насколько он может быть безжалостным.

– Заключим сделку, – наконец перешёл он к делу. По тому, как изменился его голос, мне стало ясно: прелюдия закончилась. – Я подумаю, что можно сделать, чтобы оставить центр там, где он есть.

– И что же я должна сделать взамен? – спросила я сухо. – Рассказать о твоих подвигах? Или неземном благородстве? Может, подобрать невесту с учётом предпочтений в постели? Что?!

– Вернуться ко мне.

- Что?! - я так и поперхнулась воздухом. - Вернуться к тебе?!

- Да.

Я тихонько засмеялась. Недоверчиво, нервно. Женя смотрел на меня. На лице его не дрогнул ни один мускул.

- Это ты сейчас серьёзно? Нет... - я качнула головой, всё ещё не уверенная, что поняла его правильно. Либо у меня что-то с восприятием, либо мой бывший муж спятил. - Ты серьёзно думаешь, что после всего я вернусь к тебе?

- У тебя нет выбора, - сказал, как отрезал. Если он и раньше был самоуверенным, теперь эта самоуверенность не знала границ.

Мы ехали по узкой улице. В окне за спиной бывшего мужа время от времени мелькали люди, почти осыпавшиеся кустарники и деревья. Магазины, дома, снова люди и деревья. А я смотрела на Женю и понимала: он прошлое, которого я больше не хочу. Я должна строить свою жизнь, должна, чёрт подери, пойти на свидание с этим... как его... С хоккеистом, неожиданно решившим, что родина ему милее выгодных контрактов. Должна забрать сына и расспросить его, как прошёл день. И точно не должна идти на поводу у этого сукина сына.

- Выбор у меня есть, - сказала я так, чтобы до него дошло, что я тоже не собираюсь шутить. - Посмотрим, кто кого. А сейчас останови машину. У меня нет на тебя времени.

- Что, дома сильно ждут?

- Именно.

Губы его искривились. Он окинул меня взглядом и дал знак водителю. Машина прижалась к обочине, затем остановилась. Я дёрнула дверцу, собираясь выйти, но та оказалась заблокирована. Я развернулась к бывшему мужу.

- Выпусти меня, - процедила я, едва сдерживая злость.

- Ты вернёшься ко мне, - он вдруг оказался рядом. Сжал мой подбородок.

Я дёрнулась назад от неожиданности, впечаталась спиной в дверцу. Женя обманчиво ласково погладил меня по подбородку. Губы его опять искривились.

Спину вдруг обдало прохладой. Я запоздало осознала, что дверь открылась. Как не вывалилась прямо на дорогу, сама не знаю. Я отпрянула от бывшего мужа и, только оказавшись на улице, смогла сделать вдох. Закрывать внедорожник Женя не спешил. Глаза его вдруг превратились в щёлки – всего на секунду, но меня как парализовало.

– Выбора у тебя нет, Настя. – Тихий голос заглушил все остальные звуки. – Тебе придётся вернуться, хочешь ты этого или нет.

– С какой стати?! – выкрикнула я.

Я хотела сама захлопнуть дверцу, предварительно напомнив ему, куда он может идти, но тут услышала:

– Потому что ты всё ещё моя жена.

Глава 2

Настя

– Спасибо, – поблагодарила я воспитательницу, подкрепив благодарность наличными. – Вы меня, как всегда, спасли.

Женщина кивнула, улыбнулась Никитке и, попрощавшись с ним до завтра, пошла к выходу с детской площадки.

Я присела на лавочку напротив сына. Понятия не имею, что бы я делала, если бы воспитательница из детского сада не согласилась в частном порядке задерживаться с ним после работы. Возможности нанять хорошую няню у меня не было, а после неудачного опыта с одной из тех, что выкладывали частные

объявления, доверять Никитку кому бы то ни было я боялась.

– Почему всех забирают раньше меня? – обиженно спросил сын. – Мам, всех всегда забирают раньше. И тётя Вера гуляет только со мной.

– Потому что ты у меня самый мужественный и самый самостоятельный из всех, – ответила я с улыбкой, хотя у самой сжалось сердце.

Так и правда не могло продолжаться. Это было понятно уже давно. Сын тренера: у Никиты не было выбора, кроме как пойти по моим стопам. По крайней мере, поначалу. О выборе, которого фактически не было у меня самой, я пока предпочитала не думать.

Чёрный внедорожник уехал раньше, чем я успела полностью осознать смысл слов бывшего мужа. Или не бывшего, теперь уже уверенности в том, что наша история кончилась, у меня не было. Прежде, чем захлопнуть дверцу, Женя бросил короткое «увидимся, Золушка». И всё. Увидимся, я даже не сомневалась. Его взгляд не оставлял надежды на другое.

Вздыхнув, я поднялась и протянула сыну ладонь.

– Пойдём домой? Нагулялся, голодный, наверное?

– Я в саду поужинал, – сын вложил свою крохотную ручку в мою. – Тётя Вера мне вместо одной две котлеты дала, и я всё съел.

– Молодец какой, – теперь уже искренне улыбнулась я.

В свои четыре сын был самым рослым мальчиком в группе. В отца. От меня ему достался цвет глаз и волос. Смуглый блондин с ярко-голубыми глазами, он был любимчиком воспитателей даже несмотря на упрямство и непростой характер. А чего можно было ожидать от сына мужчины, в тридцать два года занявшего кресло мэра столицы, мужчины, подминавшего под себя всех, всё и вся?

– Никит, давай купим тебе коньки? – зашла я издалека. – Тогда я смогу иногда брать тебя с собой на работу.

Сын задрал голову и посмотрел на меня с недетской подозрительностью, словно почуял подвох.

– Я не хочу коньки.

– Почему?

– Не хочу, – буркнул он и попробовал выдернуть руку.

Отлично! Не зря говорят, что настроение у весов может измениться в один момент. Всегда относящаяся к гороскопам со скептицизмом, я, глядя на сына, начинала задумываться о том, что, может быть, зря. Но всё это было неважно по сравнению с обрушившимся на меня пониманием: никакого документального подтверждения, что наш с Женей брак расторгнут, нет.

Пять лет назад я поставила подпись на подсунутых им бумагах, разорвав для себя все связывающие нас нити. Ушла, не оглядываясь назад. И всё. При его возможностях закончить дело для Жени ничего не стоило. И я не сомневалась, что он это сделал. К чему мне было свидетельство о расторжении брака, если замуж выходить я не собиралась?

– Мы купим тебе коньки, – сказала я твёрдо. Никита сычом глянул на меня из-под золотисто-коричневых бровок. Упрямо сжал губы. – Дай руку, – потребовала я. – И прекрати показывать мне свой характер. Я устала, Никит. Если тебе не нравится, что я забираю тебя последним, будешь ездить со мной на каток. Выбирай сам.

Я злилась на него, на саму себя, потому что выбор был так себе. Но мои родители жили на другом конце страны, а денег хватало только на то, чтобы каждый месяц выплачивать конский ипотечный взнос за нашу студию, так что ничего лучше предложить я не могла. Если центр снесут, я лишусь места. Если лишусь места...

– Мам! – резкий окрик сына привёл меня в чувства.

Никита дёрнул меня как раз в тот момент, когда я ступила на пешеходный переход, и в этот же момент в полуметре от меня пронеслась машина.

- Господи, - выдохнула я, осознав, что бы было, если бы не сын.

Я отошла от дороги, утянула его за собой и, не обращая внимания на людей вокруг, сжала плечики своего ребёнка. Притянула его к груди и закрыла глаза. Сердце всё ещё бешено колотилось, запоздалый страх подступил тошнотой к горлу, на глаза навернулись слёзы.

- Mam, мне больно, - сын стал выворачиваться.

Я только немного разжала руки, поняв, что стиснула его слишком сильно. Мой маленький мужчина. Моя опора, мой жизненный двигатель. Сам того не понимая, он столько раз спасал меня: от безысходности, от отчаяния, от пустоты.

- Видишь, как бывает, когда не смотришь по сторонам, - выдавила я, посмотрев ему в лицо. - Поэтому я тебе всегда говорю, чтобы ты был внимательным.

- Я и был внимательным, это ты по сторонам не смотрела, - он почти что возмутился.

Я погладила его по плечу и кивнула. Взгляд. Цвет, разрез глаз - мои, а взгляд - отцовский. Как же долго я предпочитала не признаваться себе в этом, но теперь не могла.

- Всё хорошо, - заметив мои слёзы, сын примирительно коснулся моей ноги. - Если ты устала, я буду смотреть по сторонам. И на каток твой пойду, только не плачь.

У меня задрожали губы и подбородок. Не в силах ничего сказать, я погладила Никиту по вьющимся у висков волосам и поднялась. Вытерла глаза. Он сам взял меня за руку. Его пальчики по сравнению с моими были очень тёплыми. Как пальцы его отца в машине. Прошло не меньше часа, а я всё ещё чувствовала невидимый ожог его прикосновения на лице. Что, если он блефовал? Что, если наш брак всё-таки расторгнут? Он ведь хотел этого. К чему ему было ждать пять лет? Какой смысл искать меня, если, уходя, я не взяла даже купленную на его деньги зубную щётку?

- Ой, забыл, - сын вдруг остановился и вытянул руку.

- Что ты забыл?

Присев чуть ли не посреди тротуара, он раскрыл рюкзак и вытащил мешочек. Чёрный бархатный мешочек с завязками. И опять я онемела. Никита протянул мне его.

- Ты сегодня утром собиралась, и он у тебя упал. Из тумбочки. А я поднял и хотел тебе отдать, но забыл.

Я молча взяла его. Открывать не стала, потому что и так знала, что внутри. Обручальное кольцо. Единственное, что осталось у меня как напоминание о замужестве. Уходя, я не подумала снять его. Напуганная, потерянная, не знающая, что делать дальше, сделала это только через несколько дней. А теперь....

- Я молодец?

- Молодец, - подтвердила я, стискивая мешочек в кулаке. - Конечно, молодец.

- Там колечко.

- Да... - непонятно почему, на глаза опять набежали слёзы. - Да, Никит, колечко. Это... оно не моё. Но неважно. Пойдём домой. Давай просто пойдём домой, а завтра купим тебе коньки. И тогда мы всегда будем с тобой.

- Всегда?

- Всегда, - подтвердила я. - Всегда-всегда.

- Я не могу, Егор, - придерживая телефон плечом, я принялась открывать дверь. - Куда я, по-твоему, дену сына?

– Можешь взять его с собой.

– Конечно, – не скрывая раздражения, ответила я. Справилась наконец с дверью и кивком показала соседке, чтобы вошла. Та замахала, но я повторила знак.

На шум выбежал Никита.

– Тётя Люся! – бросился он к гостье и принялся рассказывать, что только что собрал мозаичную голову тигра.

– В общем, Егор, сегодня ничего не получится. Давай в следующий раз.

– Подожди, – шепнула Люся. – Если нужно посидеть с Никиткой, я свободна.

Она сделала знак, что всё в порядке. Улыбнулась мне. Я замешкалась.

– Подожди, – бросила я в трубку. Люся кивнула. На год старше меня, она давно говорила, что мне пора заняться личной жизнью. Её выразительный взгляд стал последним аргументом в принятии решения. – Ладно, – сдалась я. – Около моего дома есть кофейня. Мы можем встретиться там, только ненадолго.

– Отлично, – не колеблясь, ответил Егор. – Пришли адрес. И будь готова через полчаса. Я за тобой заеду.

– Какой ты быстрый.

– Профессия обязывает, – усмехнулся он. – Жду адрес.

Положив трубку, я посмотрела на Люсю. Та едва не приплясывала.

– Довольна?

– Это ты должна быть довольна. Он вообще кто?

Мне вдруг стало смешно. Она готова была выпереть меня на встречу, сама не зная, с кем, остаться с моим четырёхлетним сыном, лишь бы я перестала

коротать вечера в одиночестве и сама закручивать разболтавшиеся гайки.

- Звезда НХЛ, - как есть ответила я. Люся недоверчиво нахмурила тонкие брови. - Серьёзно.

- То есть богатырь, косая сажень в плечах?

- Вроде того, - я невесело хмыкнула, вспомнив слова Ники про идеальную задницу, и убрала телефон в карман.

Жена мэра Москвы изменяет ему со знаменитым хоккеистом. А что, неплохой бы вышел заголовок. На самом деле, я уже жалела, что поддалась. За этот день на меня свалилось столько, что в пору было схватиться за голову, а я вместо этого решила усложнить себе жизнь ещё больше.

- Я должна быть готова через полчаса, - снова обратилась я к Люсе. - Наш чай отменяется. Сама виновата.

- Ничего, - она подмигнула Никитке. - Мы справимся вдвоём. Да, Ник? Отпустим твою мамку на пару часов?

Он подумал, отрицательно мотнул головой.

- Никита, - Люся состроила гримасу. - Ну ты что? Разве так можно?

- Можно, - заявил он как ни в чём не бывало.

- Угу, - кивнула я, глядя на сына. - Можно ему. Как же. Ладно, - я махнула рукой на кухонную зону, - хозяйничайте, а я пойду одеваться. Как-никак, звезда НХЛ, блин. А я выгляжу... - не договорив, я поморщилась.

- Как звезда фигурного катания, - незамедлительно отозвалась Люся. - Самое то.

На ходу застёгивая лёгкое пальто, я выскочила из подъезда. Больше всего на свете я ненавидела две вещи: лицемерие и опоздания. Последние особенно раздражали меня, когда дело касалось меня самой. А сейчас я именно опаздывала.

Не успела я осмотреться, стоящая метрах в двадцати машина мигнула фарами и медленно стала сдавать назад. Я двинулась навстречу. Но только поравнялась с задней дверцей, та открылась. Меня обдало запахом, ещё не успевшим выветриться из лёгких после предыдущей встречи.

Блёклый свет фонаря заслонил силуэт вышедшего из машины мужчины.

– Что ты тут делаешь? – я осмотрелась, пытаюсь отыскать взглядом автомобиль Егора. Но двор был пустым.

– Кого-то ждёшь?

– Тебя это не касается.

– Как это не касается? – Воронцов дотронулся до моего плеча. Я почувствовала, как падает ремешок сумки и вцепилась в него. Женя подтянул меня к себе. – Как это не касается, Настёна? Моя жена собралась на блядки, а меня это не касается?

– Я не твоя жена, – процедила я, дёрнув сумку. – Отпусти. Меня ждут.

– Не ждут. – Он выпустил ремешок. Опёрся о машину и окинул меня взглядом. Почти как в прошлый раз, только теперь по-собственнически, оценивающе. – У твоего дружка появились неотложные дела. Ему пришлось переобуться на ходу. Сменить, так сказать, лыжи. Или коньки, – Женя посмотрел на меня с издёвкой.

– С чего ты...

Не успела я договорить, телефон в сумке зазвонил. На дисплее высветился номер Егора.

– Да, – ответила я резко, глядя бывшему мужу в глаза.

– Прости, Насть, – напряжённо сказал Егор, – меня вызвали в министерство. Придётся перенести. Чёрт подери, времени до хрена. Ничего понять не могу. Насть...

– Ничего страшного, Егор, – перебила его я. Вдох-выдох. – В другой раз, так в другой раз.

– Насть...

– Всё в порядке, правда. Увидимся.

Из темноты вынырнул парень в кепке с эмблемой курьерской службы. Окружающий его запах лилий был таким же божественным, как и букет, который он держал в руках. Заметив нас, курьер глянул на бумажку в руках и назвал адрес моего дома.

– Мне нужен третий подъезд. Кручусь-верчусь...

Ничего не сказав, Женя взял из его рук бумагу.

– Ты по адресу, – забрал и цветы. Вручил купюру. – Заказ доставлен, – ответил он на мрачно-озадаченный взгляд парня. – Этот букет для моей жены. От её любовника. Но лилии она не любит, так что... – цветы упали на асфальт. Шаг, и стебли жалобно захрустели под подошвой ботинок. Этого не ожидала даже я. – Она любит белые розы, – сказал Женя, глядя мне в глаза. – Белые розы, шёлковые простыни и крепкий чёрный кофе. Да, Насть? Ничего ведь не изменилось? И не ври. Враньё ты тоже любишь, это я знаю.

Я сжала руки в кулаки. Ничего не сказав, обошла Женю и села в машину. Потому что было ясно – это будет следующей его прихотью. Или приказом.

– Умная девочка, – он опустил рядом. – А теперь поехали. Ты ведь собиралась на свидание. Не пропадать же платью.

Настя

Когда машина остановилась возле роскошного ресторана в центре, я не удивилась. За время, что ехали, мы не перекинулись и парой слов. Не я устроила весь этот цирк, не мне было и начинать разговор. Воронцова же, судя по всему, устраивала тишина.

– У меня на тебя не больше часа, – сказала я, выйдя на улицу.

К открывшему мне дверь охраннику присоединился ещё один. Третий занял позицию у дверей. Наблюдая за ними, я усмехнулась.

– И кто же такой на тебя охотится, раз ты и шага ступить не можешь без свиты? Не помню, чтобы раньше ты боялся выходить из дома один.

– А кто тебе сказал, что я боюсь? – он жестом показал мне на ресторан.

Моё платье было приличным для посиделок в кофейне за углом, но не для этого места. Только мы вошли, к нам поспешил мужчина в белой рубашке. Поверх – золотисто-коричневая жилетка с вышивкой явно ручной работы. Снимать пальто я не хотела, но сделать это пришлось. И сразу же стало ясно, насколько я вписывалась в дороговизну обстановки. Если бы в кофейню, куда собиралась, я пришла бы в дырявой ночнушке, впечатление было бы примерно такое же.

– Прошу вас, – обратился мужчина к Жене.

Меня с ним словно бы и не было, хотя вежливую улыбку я получила.

– Зря стараешься, – сказала я сухо, когда нас повели по освещённому изящными светильниками холлу. – Этим ты меня не удивишь.

– Я и не собирался тебя удивлять. Я всего лишь хочу вкусно поужинать в хорошем месте.

Я фыркнула. Как же! Хотя ожидать от него можно было чего угодно. Он и раньше устраивал выходы на грани, теперь же возможностей у него стало ещё больше.

Я нахмурилась. Только теперь я поняла, что за всё время не видела ни одного человека. Обычного шума, присущего любым, даже самым пафосным заведениям подобного рода, тоже не было. Только тихая, пробуждающая мысли о восходе в горах, музыка и чуть уловимое журчание декоративных фонтанчиков.

– Прошу, – поклонившись, мужчина показал на зал. – Через несколько минут к вам подойдёт Алехандро. Если что-то потребуется раньше, на столе колокольчик.

Женя даже не поблагодарил его. Коротко кивнул и, больше не взглянув, прошёл в арочную дверь. Вот теперь я удивилась. Удивилась, мать его! Зал был совершенно пуст: ни единого человека, ни души. Только на покрытых перламутрово-серыми и жемчужно-розовыми скатертями столах колыхались огоньки свечей. Зал украшали живые цветы, в большой клетке в углу резвились жёлтые канарейки.

Единственный сервированный столик находился возле стены с декоративной лепниной. Как и на других, в подставке на нём стояла высокая свеча, напомнившая мне своей формой фаллос.

– Садись, – Женя и не подумал выдвинуть стул и помочь мне сесть.

Я дёрнула спинку, и по залу прокатился раздражённый скрип прочертивших пол ножек, выразивший моё настроение лучше слов.

– И что дальше? – я нарочито поставила локти на стол и упёрлась в скрещенные кисти подбородком. Посмотрела на бывшего мужа. – Я тебя внимательно слушаю.

– Дальше я буду есть, – ответил он и открыл меню. Перевернул несколько страниц. – Предложил бы и тебе, но, насколько помню, после пяти ты пьёшь только воду и кофе без сахара. Кстати, – он бросил взгляд в сторону, – твой кофе уже готов.

Только он это сказал, у нашего столика появился официант в безупречно выглаженной, отделанной такой же вышивкой, как и жилет нашего провожатого, рубашке. Вежливо склонив голову в поклоне, он поставил передо мной кофейник и чашку, а затем принялся наполнять её.

Я неотрывно смотрела на бывшего мужа, раздумывая, что будет, если прямо сейчас выплеснуть крепкий горячий кофе ему в лицо. Или хотя бы на его рубашку. Останавливало только понимание: от этого сукина сына зависит будущее центра, а, следовательно, и наше с Никиткой, не говоря уже о детях, занимающихся на катке.

– Я, пожалуй, тоже выпью кофе, – небрежно отложив меню, обратился к официанту Женя. – Мокачино с двойным шоколадом. И побольше взбитых сливок сверху. Да... Ещё блины с сёмгой и сливочным сыром, а на десерт – Сан-Себастьян. Двойную порцию, и чтобы был, как я люблю.

Чтобы сдержаться, пришлось изо всех сил стиснуть лежащую на коленях сумочку.

– Для вашей спутницы будет что-нибудь, кроме кофе?

– Для моей спутницы... – Женя сделал вид, что задумался. – Нет.

Ещё раз вежливо склонив голову, официант удалился.

– И мерзавец же ты, – выплюнула я. – У тебя ничего не слипнется?

– Люблю хорошо и вкусно поесть, ты же знаешь.

Я знала. Для меня, вынужденной придерживаться жёсткой диеты, походы с ним в ресторан всегда были той ещё пыткой. Когда мы впервые встретились, я и не думала о завершении карьеры фигуристки. Наоборот, мечтала о победах и медалях. Мы и познакомились на соревнованиях, где он присутствовал в качестве гостя среди других чиновников. Высокий, статный, поджарый брюнет со смуглой кожей и потрясающими глазами. На него обратили внимание даже девочки из других стран. А он обратил внимание на меня. И это стало началом конца.

– Ешь, – не собираясь играть в его игры, я отпила кофе. Он оказался безумно вкусным, такого я не пила ещё ни разу. Но и этого показывать я тоже не стала. – Делай что хочешь, Женя, только без меня. Говори, что тебе от меня потребовалось, и всё на этом.

– Я уже сказал.

– Это бред! – я вернула чашку на блюдце. Достала мешочек, который отдал мне сын и положила на стол. – Если считаешь, что это делает меня твоей женой и даёт тебе на что-то право, ты ошибаешься. Давно хотела вернуть его тебе. Но ты у нас теперь стервятник высокого полёта, а я так... мелкая пташка.

Резким движением он подался вперёд, накрыл ладонью мешочек с кольцом. Я едва успела отдернуть руку, сердце так и подпрыгнуло в груди, словно я бросилась вниз с огромной высоты на тарзанке. Сохранять самообладание становилось сложнее с каждым мигмом, с каждым словом, и сидевший напротив мерзавец чувствовал это.

– А ну-ка, – он взял из-под моей чашки блюдце и вытряхнул на него кольцо.

Оно упало с едва слышным звоном, а мне показалось, что он заглушил все звуки вокруг.

– Не находишь, что оно не на том месте, где должно быть?

– Хочешь сказать, что нужно было отправить его в мусорное ведро? Я думала об этом, но мой бывший муж мелочная скотина. Знаешь, я побоялась, что он за ним кого-нибудь пришлёт. Пришлось бы расплачиваться за этот хлам. Оно мне надо?

– Не знал, что до меня ты была замужем. Если так, у твоего бывшего мужа было очень много проблем, раз он даже девственности тебя лишить не сумел.

Я вспыхнула. Почувствовала, как краска заливает щёки и шею. Вдруг Женя схватил меня за правую руку и надел на палец кольцо. Как я ни пыталась выдернуть кисть, он не отпускал. Сдавливал запястье до боли и смотрел в глаза.

– Снимешь – пожалеешь, – прочеканил он неожиданно твёрдо и жёстко. Напоследок сдавил кисть ещё сильнее и, наконец, отпустил. – Я всегда добиваюсь своего. Любыми способами. Начну с центра...

– Начнёшь с центра?! – я всё-таки не выдержала. – Лишишь меня работы, а потом что?! Прикажешь снести дом, в котором я живу, и построить на его месте новый?!

– Зачем? Можно решить всё куда проще. Звонка в банк, где у тебя ипотека, думаю, будет достаточно.

Именно это он и сделает. Глядя на него, я окончательно поняла: подобно безжалостному смерчу, он будет рушить мою жизнь, пока не добьётся своего. И не кирпичик за кирпичиком, как я её выстраивала, а наотмашь.

– Мне страшно за этот город, – проговорила я тихо. – Ты – самое ужасное, что могло с ним случиться.

– Лучше за себя бойся.

Я вздохнула. Я все ещё не понимала, чего он хочет от меня. Но спрашивать в очередной раз не стала. Около нас снова появился официант. Поставил на столик графин с водой и огромную чашку кофе с белой шапкой из сливок. Воздух наполнился ароматом шоколада и молока. У меня даже живот сжало, таким он был манящим. Несмотря на то, что карьеру я давно закончила, позволить себе подобное не могла, тем более вечером.

Женя взял ложечку и, зачерпнув сливки, с удовольствием облизал. Зачерпнул ещё одну.

– Рано или поздно ты поймёшь, что идти против меня не в твоих интересах. И чем раньше это случится, тем лучше для тебя же, – увлечённый сливками, сказал он.

Я обхватила чашку со своим кофе ладонями. Взглядом проводила очередную ложку со сливками и заставила себя не смотреть на него. Не из-за этого дурацкого кофе и не из-за густого белого облака, конечно же.

Тут я услышала, как звякнула ложечка, и опять встретилась с Женей глазами. Как фокусник, он вытащил сложенный лист бумаги и, накрыв ладонью, подвинул ко мне.

- И что это? - с раздражением я взяла его и развернула.

Вопрос сразу же потерял значимость.

Я вскинула голову. Женя смотрел на меня в упор холодным царственным взглядом. Взглядом безжалостного победителя. А я держала в руках подтверждение того, что, однажды получив, он не отпускал меня, и свобода моя была всего лишь иллюзией.

- Это на случай, если ты сомневалась.

Я швырнула листок на стол. Поднялась, начисто забыв про открытую сумку. Та упала на пол. Конечно же, неудачно: монеты, косметика, флакончик духов - всё разлетелось по полу. Как назло, в этот момент появился официант с подносом.

- Сядь, - приказал Женя. - Сядь, Настя. У меня был не очень хороший день, и я, чёрт подери, хочу поесть.

- А я хочу, чтобы ты оставил меня в покое, - процедила я, но всё-таки вернулась за столик.

Под ногой что-то хрустнуло. Нужно было собрать рассыпавшееся, но, господи, я понимала, как буду выглядеть, ползая под столом. Почему со мной вечно случается какая-то ерунда, причём именно тогда, когда это нужно меньше всего?!

- Пока ты жива, в покое я тебя не оставлю, - он вдруг рассвирепел. Его глаза сверкнули серебристым льдом.

- Выходит, чтобы это случилось, мне нужно отправиться на тот свет?!

- Это тебе тоже не поможет. Тебе ничего не поможет, Настя.

– Пять лет тебе дела до меня не было! А сейчас что?!

– А сейчас я хочу, чтобы ты вернулась домой, – отчеканил он. – И ты, мать твою, это сделаешь. И сделаешь в ближайшее время.

– Всё, хватит, – мне стало плевать на всё. – Я уйду.

Подобрав то, что было рядом, я снова встала и направилась к двери. Но как только я сделала несколько шагов, дорогу мне преградил не пойми откуда взявшийся охранник.

Я оглянулась на мужа. Не бывшего, чтоб его, а самого настоящего мужа. Женя на меня не смотрел. Куда больше его привлекали блины. Крепко взяв меня за локоть, охранник вернул меня к столику и силой усадил на место. Встал поодаль.

– Я тебя не отпускал.

– А я тебя не спрашивала, отпускал ты меня или нет. Меня сын ждёт. Если ты не забыл, у меня есть ребёнок. Сын, Женя! – я почти закричала. – Ему четыре года! Почему он должен страдать из-за твоих прихотей?!

– Из-за твоих выходок, – равнодушно отозвался он и поддел вилкой большой кусок ароматного блина с рыбой. – Само собой, что твоего сына я тоже заберу. Вернёшься ко мне вместе с ним.

– Что? – я недоверчиво усмехнулась. – Ты мне ещё и одолжение делаешь?! Да я тебя пристрелю, если ты к моему ребёнку приблизишься! Мой сын...

– Не люблю, когда люди бросаются пустыми словами, – оборвал он меня. – Кого ты собралась пристрелить? Ты не знаешь, где у пистолета спусковой крючок, а где дуло, мать твою! Хватит, Настя, – он сделал знак, и охранник, отделившись от стены, пошёл к нам. – Хотела домой, тебя отвезут.

– Сама доеду, – прошипела я в ответ, покосившись на громилу в костюме. – А касательно нас с тобой... Ты же не считаешь, что это что-то значит? – я подняла бумажку. – Раз ты за пять лет так и не смог довести дело до конца, я сделаю это

сама. Наш развод – дело времени.

Он усмехнулся. Прожевал свой дурацкий блин, сделал глоток кофе. Отрезал ещё кусок и только потом повторил с непрошибаемым спокойствием, проигнорировав мои слова про развод:

– Тебя отвезут.

Проще было не отвечать. Отвезут, да и чёрт с ним!

На сей раз никто меня не удерживал. В сопровождении охранника я дошла до раздевалки. Надела поданное мужчиной в жилете пальто и вышла на улицу. Вечер был холодным, в воздухе пахло осенней сыростью. Не сказав ни слова, охранник проводил меня до машины и открыл дверь. Я тоже молчала. Села на заднее сиденье и уставилась в окно.

Пока мы ехали по улицам, я думала, что делать дальше. К кому идти за помощью? Из всех, кого я знала, на ум приходила только Вероника. Вернее, её муж. Связей у него было много, но мог ли он что-то противопоставить Воронцову?

Задумавшись, я не сразу поняла, что едем мы не туда. Только когда на глаза попалась подсвеченная вывеска с названием улицы, почувствовала неладное.

– Куда вы меня везёте? – обеспокоенно посмотрела на водителя, потом в окно и снова на водителя. В свете фар влажно блестела дорога, по стеклу туда-сюда скользили дворники, смахивая водяную пыль.

– Евгений Александрович приказал отвезти вас домой.

– Именно, домой! – я нервничала всё сильнее. – А вы куда меня везёте?

– Домой, Анастасия Сергеевна, – водитель посмотрел на меня через зеркало. – Вы не поняли. Евгений Александрович приказал отвезти вас домой. К нему домой.

Глава 4

Настя

Остановились мы только возле дома. До боли знакомого, откуда пять лет назад я уехала с единственным чемоданом и разбитым сердцем.

- Вы не можете запереть меня тут! – сообразив, что именно это и собирается сделать приведший меня в квартиру цербер, я бросилась к двери. – Дайте мне номер вашего хозяина! Или позвоните ему и дайте мне трубку! Слышите меня?!

Слышать меня, конечно, слышали, только это ничего не поменяло. Не прошло и минуты, как я осталась одна. Думала, такое только в кино бывает, оказалось, нет. Сколько я ни дёргала ручку двери – напрасно.

- Люсь, – набрав соседке, я постаралась унять пробивающуюся истерику. – Люсь, тут такое дело...

- Ты задерживаешься, – в её голосе слышалась улыбка.

- Д-да...

- Задерживайся на здоровье. Мы с Ником дособирали мозаику, попили чай и съели твоё заныканное курабье. Он уже почистил зубки и, кажется, уснул. Сейчас... – в трубке повисла тишина, слышался только шорох. – Да, он спит, Насть, – теперь Люся стала серьёзной. – Не волнуйся. Всё в порядке.

Затаив дыхание, я досчитала до пяти. Не говорить же ей, что меня похитил мой бывший муж и запер в квартире, как принцессу в башне?

Что делать? Вызвать полицию? Да, так бы и стоило поступить. Вот только мой бывший муж по совместительству ещё и хозяин этого города.

- Спасибо, – избавив её от подробностей, ответила я. – Извини, что так вышло. Я правда не думала...

– Прекрати, Насть, – остановила она меня, и мы обе замолчали.

Ещё раз поблагодарив Люсю за помощь и понимание, я положила трубку. Рука с телефоном бессильно упала вниз. Я стояла посреди просторной прихожей и не могла заставить себя двинуться с места. Отделанные деревянными панелями стены, широкие дверные проёмы, мягкие тона: всё тут говорило о дороговизне и основательности. Всё было предназначено для того, чтобы ублажать хозяина. Жаль, что раньше я этого не понимала. Потому что ублажать хозяина должны были не только вещи, но и люди. В том числе и я.

Прошное

– Ничего себе, – ахнула я, едва Женя включил свет.

Он улыбнулся уголками губ. Мы стояли в прихожей размером с мою съёмную квартиру. Родительская, в Екатеринбурге, в общем-то, была немногим больше.

Обернувшись, я качнула головой.

– Я, конечно, подозревала, что квартира у тебя роскошная, но чтобы настолько...

– Жизнь должна приносить удовольствие, – Женя помог мне снять куртку. Открыл шкаф-купе и взял плечики. – Для чего она ещё нужна?

– Из одних удовольствий состоять она не может, – заметила я и, подойдя, коснулась его груди.

Мне нравилось дотрагиваться до него, нравилась исходящая от него уверенность. С момента нашего знакомства прошёл уже месяц, и с каждым днём я всё яснее понимала – обратного пути нет. Каждая встреча была для меня глотком воздуха, а время порознь тянулось бесконечно.

– Не может, – согласился он, перехватив мою руку. Потянул к себе и обнял за талию. – Я об этом и не говорил. Дело в самом ощущении.

Он отпустил мою руку и коснулся лица. Я мигом позабыла о словах. Привстала на носочки и, обхватив за шею, поцеловала Женю в губы.

- Это ведь тоже удовольствие, да? - шепнула я, заглянув ему в глаза.

- Ещё какое, - он провёл рукой по моей спине, спустился до ягодиц.

Выпустив меня из объятий, Женя жестом показал в конец коридора. Вместе мы прошли в такую же просторную кухню. Женя сразу включил кофемашину. На улице было холодно, осень сыпала красно-жёлтыми листьями. Но зародившееся едва ли не с первого взгляда на Женю чувство грело лучше летнего солнца.

- Останешься на ночь? - вдруг спросил он.

Я посмотрела ему в глаза. Понимала, что это значит, но сомнений не было.

- Да, - отозвалась я тихо. - Останусь.

Его губы тронула улыбка, на щеке появилась ямочка.

- Не думай, что я ищу в тебе только удовольствие, Настя. - Он подошёл ближе. Мне пришлось приподнять голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Он тронул мои волосы. - Ради удовольствия я не привёл бы тебя в свой дом. У меня с тобой всё серьёзно.

- Очень серьёзно?

- Очень, - подтвердил он и, пропустив мои волосы сквозь пальцы, убрал руку.

Настоящее

Взвывший раненым зверем ветер заставил меня закрыть окно. Как и в таком далёком от настоящего прошлом, в городе царила осень. Но эта осень, в отличие от той, пряно-бархатной, была безжалостно колючей.

– Какая же ты скотина, Воронцов, – прошептала я, вглядываясь в черноту за окном.

За часы, пропитанные яростью, непониманием, растерянностью, бессилием и воспоминаниями глаза несколько раз наполнялись слезами. Решил преподать урок? Показать, кто главный? Мерзавец!

Не зря говорят, что самое тёмное время – перед рассветом. Ночь можно было мешать ложкой, такой она казалась непроглядной.

Я обернулась, услышав шум. Быстро пошла в коридор.

– Ты в своём уме? – бросилась я к вошедшему Воронцову. – Ты...

– Остынь, – он сжал мой локоть и тихонько толкнул назад.

– Остыть?!

С очередным вдохом в лёгкие проник чужой, незнакомый запах.

Запах другой женщины.

Рубашка Жени уже не была такой безупречно выглаженной. Словно комком пролежала где-то, пока сам он...

Взгляд метнулся к его лицу.

– Где ты был?

– Быстро ты вошла в роль ревливой жёнушки.

– Ревливой жёнушки?! – я снова подлетела к нему. – У меня дома сын! Сын, мать твою! Ему четыре года! А ты трахаешь каких-то блядей и считаешь, что имеешь право держать меня тут!

– Успокойся!

- Да пошёл ты к чёрту со своим успокойся! Это ты успокойся!

Я схватила пальто, но Женя выдернул его у меня из рук. Дыхание вырывалось из груди тяжело, рвано. В нос снова ударил чужой запах, голова загудела.

По скулам его ходили желваки, сухожилия были натянуты. Внезапно он отбросил пальто и крепко сжал мои локти. Я с шумом схватила воздух, оказавшись прямо возле него. Удерживая меня, он смотрел мне в лицо, в глаза, и холод его взгляда прожигал меня насквозь.

- Пусти, - выдавила я, не в силах пошевелиться.

Он не отпустил. Наоборот, притянул ещё ближе. Запах стал невыносимым. Невыносимым было и то, что я чувствовала. То волнение, которое пронзало насквозь, и невозможность отвести взгляд.

- Сейчас мы поедem за твоим сыном, - выговорил он. - Соберёшь его и вернёмся обратно. Мне надоело. С этого дня вы будете жить здесь.

До последнего я не верила, что Воронцов заставит меня забрать сына и поехать к нему. Зря.

- Я пойду одна, - поняв, что он не собирается оставаться в машине, категорично сказала я. - Тебе там делать нечего.

Побоку ему были и мои слова, и моя категоричность. И, главное, выбора у меня не было, разве что сидеть и ждать, что он вдруг передумает. Или что ему надоест, и он даст распоряжение одному из своих охранников выволочь меня вместе с этой самой категоричностью.

Наградив Воронцова ненавидящим взглядом, я открыла дверь подъезда. Телохранитель любезно придержал её, а я пыталась сообразить, что делать. Только делать было нечего. Что я могла противопоставить трём здоровенным мужикам, один из которых по документам был моим мужем?!

- У тебя десять минут, - оповестил Женя, пока я отпирала замок. - Возьми только самое нужное.

– Ты издеваешься? – повернулась я к нему. – Ты представляешь, что такое собрать за десять минут четырёхлетнего ребёнка?! Почему я вообще должна будить его из-за твоих прихотей?! Он спит, Женя! Это ребёнок, это не игрушка. Да я десять минут буду только...

– Десяти минут достаточно, – он сам провернул ключ. Вытащил и, открыв дверь, кивком указал в коридор.

На глаза наворачивались злые слёзы. Уютный запах дома укутал меня, но спокойствия не принёс.

Почему я должна бросить всё?! Каждый день я строила нашу с Никиткой жизнь, пыталась превратить крохотную студию в место, куда хочется возвращаться, вкладывала частичку себя в каждую мелочь. И теперь я должна всё это оставить?!

Один из охранников остался за дверью, второй вошёл вместе с нами. В закутке, служащим прихожей, сразу же стало тесно.

– Пусть этот остаётся тут, – процедила я, когда телохранитель собрался пройти дальше. Хотела добавить, чтобы и Женя тоже не смел тащиться со мной, но что бы это изменило?

Женя сделал знак охраннику, и тот встал возле двери. Как будто я из собственного дома бежать собиралась, чтоб его!

Разувшись, я одарила мужа гневным взглядом.

– В обуви тут не ходят.

И опять он проигнорировал меня. Не подумав снять ботинки, пошёл напрямик в спальную зону.

– Настя... – сонно прошептала Люська, приподнимаясь. И тут же перевела взгляд с меня на Женю. Нахмурилась, сонно вздохнула. Взгляд её стал более осмысленным. Губы приоткрылись.

– Люсь, всё потом, – предупредила я готовый сорваться с её губ вопрос. – Пожалуйста, не спрашивай ни о чём. Иди домой, ладно?

Она спустила ноги с постели. Без сомнений, узнала Воронцова, но то ли не могла поверить, что видит его в реальности, то ли после сна не была уверена, что это именно он. Потёрла лицо, тряхнула волосами и посмотрела уже осмысленнее.

– Иди домой, – повторила я нетерпеливо. – Я тебе позвоню. – И уже почти шёпотом, с мольбой добавила: – Пожалуйста, Люсь.

– Не похож он на хоккеиста, – всё-таки прокомментировала она, поднимаясь. – Ну ты даёшь...

Я нервно вдохнула, готовая лично выставить её за дверь. Но у Люськи хватило ума ограничиться сказанным. С копной густых, растрёпанных после сна волос, в пижаме, выглядела она рядом с одетым с иголки Женей впечатляюще. Люся в последний раз посмотрела на него, на меня и юркнула в коридор.

– Господи! – донеслось оттуда испуганное. – Я... Разрешите пройти.

Раздался лязг замка, следом – хлопок двери. Женя хмыкнул, осмотрелся. Взгляд его остановился на постели сына.

– Не подходи к нему! – зашипела я и схватила его за рукав, только он хотел подойти. – Не смей трогать моего сына, не смей смотреть на него!

Он отцепил мои пальцы, но руку не выпустил. Губы его сжались в линию, искривились. В прищуренных глазах блеснул гнев.

– Придумаем красивую историю, Настя. – Вдоль позвоночника у меня прошёл холодок от его вкрадчивого голоса. – Поиграем в семью с тремя переменными, – он погладил моё запястье и хмыкнул. Вернее, сильнее скривил губы. – Или с одной? Изменчивая переменная, как тебе?

– Перестань, – я выдернула руку.

Он продолжал кривить губы, глядя на меня с презрительной холодностью. Я ничего не успела сделать, а он уже оказался у постели спящего Никитки. Стоял, расставив ноги на ширину плеч, и смотрел на него чёрным коршуном. Каждая черта лица стала глубже, глаза превратились в контраст голубо-серой радужки и чёрных зрачков.

– Играй с кем-нибудь другим, – я буквально оттеснила его от постели. – Я добьюсь развода и...

Никита зашевелился. Золотисто-коричневые ресницы дрогнули, кулачком он потёр глаз. Я затаила дыхание. Но Никита не проснулся. Вздохнул и ткнулся носом в подушку.

Лицо Жени было суровым, грозным. Ничего не сказав, он ушёл в коридор. Я чуть не расплакалась, глядя на своего малыша. Дотронулась до его волосиков и убрала руку.

За десять минут я только и успела покидать в сумку кое-что из вещей Никиты. Охранник вошёл как раз, когда я укладывала его любимого жирафа.

– Подождите, – попыталась отобрать у него сумку. – Я ещё не...

Женя появился следом за своим цербером.

– Время кончилось, – он кивком указал охраннику на дверь. Сам же снова подошёл к кроватке. Только когда он склонился, до меня дошло, что он собирается взять Никиту.

– Не смей, – метнулась я к нему.

Он оттолкнул меня. Смирил тяжёлым взглядом.

– Не успокойшься, тебя выведут отсюда.

Глядя, как он поднимает сына на руки, я готова была забиться в истерике. Сердце то заходило в бешеном темпе, то совсем переставало стучать. Кончик одеяла повис в воздухе голубым флажком.

Никита не проснулся. Даже когда Женя поднял его, он лишь пробурчал что-то неразборчивое и, уронив голову ему на плечо, продолжил спать.

- На выход, - скомандовал муж. - Едем домой.

Глава 5

Настя

- Так мне не приснилось, что мы ехали? - во второй раз спросил сын.

Я отрицательно качнула головой. Освещённая хмурым утром комната никак не походила на нашу. Чего стоила только огромная постель со столбиками из чёрного дерева. Это уже не говоря про высоченные потолки и ковёр, с которого не хотелось вставать. Я и не вставала. Как уселась, едва Женя положил сына на постель, так и продолжала сидеть до тех пор, пока Никита не проснулся.

- И мы теперь будем жить здесь?

- Какое-то время, - я всё-таки заставила себя встать.

Бедро потянуло: старая травма дала знать о себе. Я уже и не помнила, когда такое случилось в последний раз. Видимо, засиделась в неудобной позе. А может, всё дело было в Воронцове и нервотрёпке, которую он мне устроил.

- Сегодня же в сад не надо? Сегодня воскресенье.

- Не надо, - подтвердила я.

Оттягивать знакомство мужа и сына было бессмысленно. Хотя я бы предпочла, чтобы сегодня был понедельник, и чтобы этот понедельник никогда не кончался. Тогда бы я смогла уехать на каток и взять Никитку с собой.

Внутренний голос зазвучал внутри насмешкой. Сбежать, забиться в норку... Был бы понедельник, я бы уехала. А потом что?

- Кто тот дядя, который нёс меня? - слезая с кровати, спросил сын. Нахмурился. - Меня же дядя нёс?

- Дядя, - я протянула сыну руку.

Растрёпанный, в тёплой фланелевой пижаме с мышонком, он был похож на ангелочка. С виду уж точно. Широко зевнув, он побежал к двери, начисто проигнорировав ладонь.

- Ты ходить умеешь, Никит? - бросила я ему вдогонку.

Он уже вовсю тянулся к ручке. Справившись, выскочил в коридор, и до меня донеслись отдаляющиеся шлепки босых ног. Что же, хотя бы один плюс в стремлении Воронцова получать удовольствие от жизни, а заодно от всего, что его окружает, был. Куда же он без системы климат-контроля и тёплых полов?!

Собравшись, как для прыжка с вышки в ледяную воду, я вышла из комнаты вслед за сыном. Тот уже вовсю осматривался в кухне.

- Мам, - позвал он меня, показывая на огромный холодильник, - а зачем тут шкаф?

- Затем, чтобы было.

Я гневно обернулась. Слегка помятый, босой, в одних только болтающихся на бёдрах домашних штанах, Женя вошёл в кухню. Взял из ящика бутылку воды и выпил почти целиком. Достаточно было одного взгляда на этикетку, чтобы стало ясно: брэнность бытия и вопросы материальной неустроенности его не касаются.

Здрав голову, Никита рассматривал его.

– Я тоже хочу.

– Хоти, – Воронцов поставил воду на столешницу.

Никита попробовал дотянуться, но бутылка стояла слишком далеко. А притащивший нас сюда сукин сын и не подумал помочь ему. То ли провоцировал меня, то ли решил напомнить о прошлом. Говорить я ничего не стала. Побоялась, что не смогу сдержаться в выражениях. Вытащила ещё одну бутылку, не забыв при этом от души хлопнуть дверью шкафчика.

– Держи, – я открыла бутылку и подала Никите. – Сейчас пойдём умываться, а потом будем завтракать. Ты помнишь про коньки?

Сын восторга не выказал, но утвердительно кивнул. И на том спасибо.

– Никаких коньков сегодня, – вдруг сказал Женя. – У меня другие планы.

– Знаешь, что, Воронцов, – прошипела я, подходя к нему на расстояние в десяток сантиметров. – Срать мне на твои планы. Мы с сыном едем за коньками. А ты можешь засунуть свои планы...

Поняв, что Никита слушает слишком уж внимательно, договаривать я не стала. Не сомневалась, что мой бывший-настоящий муж и так всё понял. Я подтолкнула сына в плечо. Тот снова задрал голову, не торопясь слушаться. Хоть бы он облегчил мне жизнь, так нет. Вывернувшись, Никита встал напротив холодильника. Дверцы у того были чёрные, фактически зеркальные, серебристо-чёрные ручки тянулись сверху донизу. Никого не спрашивая, Никита дёрнул одну и отпустил.

– Ого! – поймал он дверцу, пока холодильник не закрылся. – Mam, это не шкаф!
Mam!

– Пойдём в ванную, – я попыталась отвести его, но он опять вывернулся. Краем глаза я уловила Женину усмешку. – Пойдём! – буквально оторвала сына от дверцы. – Ты что, такой голодный?

Никитка нехотя всё-таки пошёл со мной. Правда, чёрное джакузи и такая же чёрная раковина с расположенными по обе стороны шкафчиками и полками интересовали его куда больше зубной щётки.

Убогость нашей студии по сравнению с этими хоромами была очевидной. И тем сильнее я злилась. С любопытством четырёхлетнего мальчишки Никита унёсся обратно в кухню, как только я ему позволила.

– Через час мой человек отвезёт тебя в салон, – как только я вошла следом, заявил Женя. – Тебя нужно привести в подобающий вид.

– Себя приведи, – отозвалась я.

Достала несколько яиц, потом миску. Венчик нашёлся на том же месте, где был много лет назад. Вот только на смену старому, с простой пластиковой ручкой, пришёл другой, с изогнутой, наверняка дизайнерской, идеально лежащей в ладони. Только я добавила к яйцам молоко, Воронцов стиснул мою руку, мешая готовить.

– Ты – моя жена. И выглядеть должна соответственно, – приподнял наши руки, посмотрел на мои ногти. – Не хочу, чтобы в газетёнках появились статьи о том, что я не в состоянии оплатить тебе маникюр.

Вот тут я психанула. Дёрнула руку с венчиком и, не выпуская, зарядила Воронцову. Жаль, по физиономии не вышло. Но брызги на рожу ему всё-таки попали.

– С моим маникюром всё в порядке. И со мной тоже. Что тебе нужно, Воронцов?! Может, ты всё-таки скажешь? А то это глупо выглядит: столько лет ни слуху, ни духу, а сейчас...

– А сейчас мне потребовалась жена, – он с силой сжал мой локоть. – А раз она у меня есть, не вижу смысла искать другую. У меня есть ты, и ты будешь делать то, что я скажу.

Металл был везде: в его голосе, глазах, в хватке. Я стиснула зубы – так сильно он сжимал мою руку. Но венчик не выпустила и вида, что мне стало не по себе,

не подала. Прямо посмотрела ему в глаза.

– Не надо меня пугать. Ты мне ничего не сделаешь, Женя. Ничего, – последнее слово я произнесла размеренно, чуть ли не по слогам.

Пальцы его разжались.

– Тебе, может, и нет.

Я приоткрыла губы. Посмотрела на сына. Благо, увлечённый незнакомой обстановкой, он не обращал на нас внимания. Женя тоже посмотрел на него. Хмыкнул и, больше ничего не сказав, ушёл. Я поглубже вдохнула и взялась за оmlет. Пусть он идёт куда подальше и со своим салоном, и с угрозами!

Никиту я собрала быстро. Всё, что успела взять из его одежды: пара джинсов, свитер и мелочёвку. Про себя и говорить было нечего. С мыслями, что нужно заехать домой за вещами, я надела вчерашнее платье и собрала волосы.

– Ты такая красивая, мамочка.

Я посмотрела на сына. На сердце сразу потеплело, утренняя перебранка с Женей и оставшийся после его слов неприятный осадок отошли на задний план.

– Правда? – улыбнулась я.

– Правда, – сын слез с большого мягкого кресла.

Я поправила волосы. Как и с руками, с ними всё было в порядке. Я ведь понимала, что Женя специально завёл разговор о моём ему соответствии, чтобы задеть, но отделаться от закравшихся в душу сомнений не выходило. Пристально я посмотрела на своё отражение в зеркале. Когда мы познакомились, мне только исполнилось восемнадцать. С юности привыкшая к тому, что на меня смотрят, я не позволяла себе ни единой оплошности: ногти, макияж, одежда. Я и сейчас старалась следить за собой, но рождение сына и бесконечные попытки справиться с трудностями вносили свои коррективы.

– Тогда пойдём, – я мазнула по губам помадой и убрала её в сумку. – Сначала коньки, а потом ходим в детский городок. Как тебе?

Упоминание о городке вызвало у сына прилив энтузиазма.

– И пицца! – с готовностью воскликнул он. – Я хочу пиццу!

– Ладно, – сдалась я, пригладив завиток на его виске. – Но сперва коньки.

Только мы вышли из квартиры, навстречу нам двинулся охранник.

– Вы готовы, Анастасия Сергеевна? – почтительно осведомился он.

Насчёт искренности этой почтительности я сильно сомневалась. Хотелось нагрубить, сказать, что раз мы с сыном вышли полностью одетые из квартиры, то, наверное, готовы. Только этот-то в чём виноват.

– Да, – сказала я вместо всего, что вертелось на языке.

– Тогда давайте спустимся к машине. У меня приказ отвезти вас.

Всё-таки надо было послать его к чёрту. Сразу, как только увидела.

Ничего не ответив, я подвела сына к лифту. Вызвала, так и чувствуя, как Женин телохранитель дышит мне в спину. Куда понесло самого Воронцова, я не знала и знать не желала. Передо мной он не отчитывался. Я перед ним тоже не собиралась.

Только двери лифта открылись, мы зашли в кабинку.

– Нам на парковку, – только я хотела нажать кнопку с цифрой один, остановил меня охранник.

Я сделала то, что собиралась и, когда лифт тронулся, сказала так, чтобы до него дошло:

– Вам на парковку, нам нет. На этом и закончим. Если у моего так называемого мужа возникнут к вам вопросы, скажите, что я царапалась, кусалась и грозила перерезать себе горло маникюрными ножницами. Кстати, как вас...

– Иван.

– Так вот, Иван, на будущее: если мой муж даёт вам распоряжения относительно меня, это не значит, что я буду их выполнять. Так можете ему и передать. Понимаю, что он ваш хозяин, но это только ваше дело.

Вступать в перепалку он не стал. Вытащил телефон и набрал, не сомневаюсь, Воронцову. Лифт остановился, и я, потянув зазевавшегося сына, вышла в холл. Старалась не вслушиваться в разговор. Интересно, что бы он сделал, если бы Женя настоял на исполнении приказа? Вызвал бы подмогу и держал меня, пока маникюрша пилила бы мне ногти?

Но настаивать Женя не стал. По крайней мере, мы спокойно вышли на улицу.

– Фу, – сразу же прокомментировал сын сырость под ногами.

– Радуйся, что дождя нет.

– Если бы был дождь, мы бы сразу пошли в городок.

– Кто тебе это сказал? – уверенность, с которой он это заявил, вызвала у меня усмешку. И снова, несмотря ни на что, на сердце стало чуточку теплее. – Скорее мы бы купили коньки, а не пошли в городок. Коньки важнее, Никит. В городок можно сходить и в другой раз.

– Ты всегда так говоришь, – надулся Никитка. – У тебя всегда всё важно, что скучно. И в городок ты обещала мне, ещё когда было другое воскресенье. А потом мы не пошли.

– Правильно, – я постаралась, чтобы голос звучал примирительно. – Потому что у меня были важные дела. Городок – это развлечения, а дела...

– Дурацкие у тебя дела! – сын дёрнул ручонку.

Тактическая ошибка. Нужно было сказать иначе, но у меня не всегда выходило подбирать правильные слова. И опять Никита до невозможности напомнил мне своего отца. Как скоро Женя поймёт? Его обвинения в измене намертво засели в сердце обломком ржавого металла. Ирония заключалась в том, что на роль возможного любовника у меня был только один претендент. Голубоглазый блондин, как и я сама.

– Жизнь состоит не из одних только развлечений и удовольствий, Никит, – ведя сына по знакомому двору, вздохнула я. – Я пообещала тебе, что мы сходим в твой городок, мы сходим. Если будешь себя хорошо вести, может быть, ещё на мультик сходим. – Он было воодушевился, но я тут же строго повторила: – Если будешь себя хорошо вести.

– Я буду.

– Вот и посмотрим, как ты будешь.

К моменту, когда я забрала у вымученно улыбающейся девушки на кассе коробку с коньками, единственным моим желанием было растянуться на постели и со стоном накрыть лицо подушкой. Выбрать хорошие, подходящие для четырёхлетнего ребёнка коньки за адекватные деньги было той ещё задачей.

– Теперь в городок? – с надеждой спросил замученный Никита.

Выхода не было, пришлось исполнять данное обещание. В прошлое воскресенье я и так вынуждена была провести дополнительную тренировку. Сезон начался не так давно, но первые важные соревнования, где мне предстояло выводить свою ученицу, планировались уже на неделе.

Сдав сына аниматорам, я села за столик в ближайшем кафе. Заказала кофе и набрала Люсе.

– Ты в порядке? – сразу же спросила она.

– Да, всё хорошо, – прозвучало дежурно, конечно, но объяснять было бы слишком долго.

Люська молчала. Мне вдруг стало совестно. Сколько раз она меня выручала, не сосчитать. Сколько поддерживала, сколько просто выслушивала... А я как называла её соседкой, так и продолжала называть. Какая она мне соседка?

- Это очень долгая история, Люсь. Мы с Женей... В общем, мы давно знакомы. Я тебе попытаюсь рассказать, когда встретимся.

- Попытаешься?

- История так себе. Так что попытаюсь.

- Ощущение, что для этой попытки нам нужно будет что-то крепче чая.

- Наверное, - согласилась я и хотела сказать, что в следующие выходные я постараюсь выкроить целый день, но тут на стол передо мной опустилась чашка кофе, а телефон из руки исчез.

- Она тебе перезвонит, - сказал Женя и, нажав на отбой, убрал телефон в карман. Он положил ладонь мне на плечо, предупреждая попытку встать и, склонившись, коснулся губами уха. - Значит, решила перерезать горло маникюрными ножницами? - от его дыхания руки покрылись мурашками. Он говорил, губы его шевелились, и я не слышала - чувствовала каждое слово. - Посмотрел бы я на это, - пальцы на плечах сжались и исчезли.

Выдвинув стул, Женя сел напротив. Положил ладонь на стол и убрал. На столе остались билеты.

- Сеанс через полчаса. Хороший диснеевский мультик.

Я мельком посмотрела на билеты. Уловила движение - у дверей стояли двое в чёрном. Один из них развернул собравшуюся занять столик девушку. Я заставила себя унять сердцебиение. Выдержала взгляд мужа.

- «Леди и Бродяга»? - выдавила я с трудом. - Но... Его не показывают.

- Теперь показывают. Всегда любил барбоса, приударившего за сладкой Жучкой. Только долго этот парень с ней возился. Надо было сразу заняться делом, -

холодный взгляд, ямочка на щеке. – Капучино, – он показал на мой кофе. – А раньше был только чёрный. Ты позволяешь себе много, Насть. Даже слишком, – выговорил он, глядя мне в глаза, и кофе это не касалось.

От слова «совсем».

Пустым был не только зал, в который вошли мы, – в кинотеатре не было ни души. Ни зрителей, ни персонала – никого. Только мы и охрана.

– Ты настолько не любишь людей? – покосилась я на Женю, когда мы подошли к стоящей перед дверьми в зал тележке с едой и напитками. Само собой, ни о каких продавщицах, как и о контролёрах на входе, речи не шло.

– Предпочитаю отдыхать от них, когда есть возможность.

Возможность! В выходной, в кинотеатре торгово-развлекательного комплекса, возможность отдохнуть от людей у него конечно же была! Миллиард, мать его, возможностей!

Я стиснула зубы. Женя взял с тележки стакан с попкорном и стакан с кофе.

– Это можно так брать?! – Никита привстал на цыпочки, задрал голову, разглядывая разложенное.

– Нет!

– Да.

Наши с Воронцовым взгляды встретились.

– Нет, – повторила я.

Женя взял ещё один, самый большой стакан и отдал сыну. Моему, чтоб его, сыну, обесценив моё «нет» дальше некуда! А Никита даже не подумал спросить

разрешения. Обхватил стакан обеими руками и, до невозможности довольный, крепко его держа, опять задрал голову.

– Это мы тоже возьмём, – Воронцов сунул в карман пару пакетиков с воздушными зефирками. – И...

Он протянул мне бутылку негазированной минералки. Если бы не Никита, я бы вылила её в его стакан. Из-за сына пришлось умерить пыл.

– Не люблю, когда решают за меня, – я вернула ему воду и забрала попкорн. – Я сегодня не обедала. Так что могу позволить себе много. Ты и представить себе не можешь, как много, Воронцов. Я теперь вообще многое себе позволяю.

Он хмыкнул. Опустив взгляд на сына, я увидела у него в руках два шоколадных батончика. Да Боже ж мой! Когда только успел?! Выглядел он ещё более довольным, чем раньше.

Мысленно махнув рукой, я пошла к дверям. Никитка обогнал меня и чуть ли не вприпрыжку влетел в зал.

– Осторожнее, Никит! – крикнула я ему вдогонку. – Там лестница!

– Не волнуйся, – прозвучало сзади. – За ним проследят.

Ах, да! Как я могла забыть про следующего по пятам за своим хозяином Ивана и его сотоварищей? Стук собственных каблучков раздражал, насмешка Жени, которую я чувствовала буквально кожей, просто бесила. У входа в зал я развернулась, намереваясь сказать ему всё, что думаю о его смешках в спину, но наткнулась на совершенное равнодушие. Вот же сволочь!

Так ничего и не сказав, я вошла в оформленный в благородно-синих цветах зал. Никита ждал нас на середине лестницы.

– Куда садиться? – громко спросил он, так и обнимая стакан с попкорном.

– В кресло, – ответил ему «мистер Остроумие».

– Ему четыре, тебе тридцать четыре, – сказала я тихо, спускаясь в зал рядом с Женей, – а чувство, что вы ровесники.

– С чувствами у тебя всегда было слабо. С чутьём и интуицией тоже.

– На себя посмотри.

Обогнав его, я подошла к Никите и помогла ему пройти между рядами в середину. Придержала попкорн, пока он садился. Не успела я откинуть сиденье соседнего кресла, свет в зале стал гаснуть. Рукав пиджака Жени задел мою ладонь, и я невольно отдернула руку. Рядом раздался хруст и шуршание. На ногу мне что-то упало. Я было нагнулась, чтобы поднять оброненную сыном шоколадку, но тут пальцы мои оказались зажатыми. Я повернула голову. Женя смотрел на меня слишком уж пристально. Смотрел и ничего не говорил до тех пор, пока огромный экран не разукрасился заставкой старого мультфильма.

– Люблю старое кино, – заметил Женя. – В прошлом вообще было много хорошего.

– Жить прошлым – признак старости, – отозвалась я и тоже хрустнула воздушной кукурузой. В последний раз я ела её, наверное, в далёком детстве. Но никакой ностальгии не было. Может, это я постарела?

Я посмотрела на промолчавшего мужа из-под ресниц. Даже в темноте можно было различить черты его лица, чёткий профиль и твёрдый подбородок. Снятый пиджак лежал на его коленях, у виска завивалась прядь волос. Я посмотрела на сына – у него имелась такая же, только светлая. Вдруг стало до слёз обидно. Думала ли я когда-нибудь встретиться с Женей, попытаться всё объяснить? Само собой. До последнего думала. А как только перестала – вот, на тебе.

Кадры семейной идиллии сменяли один другой, а я смотрела совсем другое кино. Не мультфильм и даже не мелодраму.

Хроники разбитого сердца. Ненужное ему счастье. Пусть не сбываются мечты.

Я бы могла придумать множество названий для нашей с Женей истории.

– Не очень-то ты много себе позволила, – показал муж на попкорн. Мультфильм почти закончился, а стакан так и остался полным.

– Зато ты, как всегда, – я вставила свой стакан в его пустой и повернулась к сыну. Под музыкальное сопровождение по экрану ползли финальные титры. Никита зевнул. Протянул мне свой стакан, но я не взяла.

– Мне-то зачем?

– Я наелся.

– Молодец.

Я вздохнула и всё-таки забрала его. Никита зевнул снова.

– Понравился мультфильм? – спросил Женя, наблюдая за нами.

Сын поморщил нос. Я отряхнула крошки с его свитера, поправила воротничок. Он вывернулся. Сам сполз с кресла.

– Угу.

– Всё, Жень. Он устал. Давай оставим наши разборки на следующий раз.

Слава Богу, он меня услышал. Только я хотела поднять Никиту на руки, остановил. Поставил попкорн под кресло и взял его сам.

– Это не обязательно, – уже по инерции напряглась я.

– Ты сама сказала хватит, Настя. Так что начинаешь?

Его строгий взгляд привёл меня в чувство. Из меня будто вышибли последние силы. Сама бы не отказалась сейчас оказаться у него на руках и... Господи, о чём я вообще?!

Никита обхватил Женю за шею, и тот понёс его к выходу. Я несколько секунд смотрела им вслед. Вздохнула.

Милый, Дорогая... Дом в пригороде и собака. Так могло бы быть и у нас. Могло бы. Но есть как есть – совсем по-другому.

– Домой, – приказал Женя, захлопнув внедорожник.

За несколько минут, пока мы вышли на парковку, Никиту совсем сморило.

– Не хочу домой, – капризно заявил он. – Мам, ты обещала пиццу. Мам...

– Давай ты поспишь, а потом будет пицца, – поглаживая его по волосам, сказала я тихо. Сын снова зевнул и начал хныкать.

Перехватив взгляд Жени, я опять погладила сына. Встал он сегодня рано, не спал днём и теперь сам не знал, что ему нужно. Поелозив, он прижался ко мне.

– Спи, – шепнула я тихонько, стараясь успокоить его.

Мы выехали с парковки, в окне замелькали фонари и светлячки стёкол многоквартирных домов, за которыми самые обычные люди жили самой обычной жизнью. Никита вздохнул, ресницы его дрогнули.

– Мне нужно взять вещи, Женя, – не прекращая убаюкивать сына, спокойно сказала я.

– Всё, что нужно, я тебе куплю.

– Всё ты мне не купишь, – я сделала акцент на первом слове. – Мне нужны мои вещи. И Никите тоже. У него есть любимые игрушки, у меня тоже есть то, к чему я привыкла. Тебе что, нравится изображать барана?

Наверное, последнее я сказала зря. Теперь согласие завезти меня за вещами подтвердило бы, что он в самом деле вёл себя глупо. Недостатков у Жени было много, но и достоинств не меньше. Умение опускаться ненужное – один из них. Не просто так он занял пост мэра в тридцать три года.

– Езжай по вчерашнему адресу, – ничего мне не ответив, обратился муж к шофёру. – Сделаем крюк.

Благодарить я не стала. Никитка опять захныкал, и я помогла ему лечь. Положила голову к себе на колени и тихонько запела:

– Паровозик чух-чух,

Едет зайка и петух

С ними маленький мышонок,

Полосатенький котёнок.

Никитка поёрзал, устраиваясь удобнее. Я улыбнулась уголками губ. Погладила по спинке и продолжила тихонько напевать:

– Ночь накрыла пеленой,

Принесла им всем покой.

Сладко спят зверята,

С ними спят ребята.

Постепенно дыхание сына стало ровным. Размеренное шуршание шин по мокрой дороге успокаивало, и я даже забыла, что нахожусь под конвоем. Подняла взгляд. Женя пристально смотрел на меня. Очень внимательно, с непонятными мне гневом и досадой.

– Что не так? – спросила я, не желая ждать, пока он начнёт первым.

Но он не ответил. Отвернулся к окну и уставился на улицу. А я машинально продолжила поглаживать спину сына, глядя на его отца и гадая, что делается у него в душе, в сердце. И есть ли у него вообще сердце. Или я по неопытности и глупости приняла за него кусок свинца?

Насытившийся эмоциями, Никита крепко уснул. Спал он всё время, что мы ехали, и не проснулся, когда остановились у подъезда.

– Оставь ребёнка в машине, – прервал мои колебания Женя. Сказано это было тихо, но прозвучало приказом. Его «ребёнка» резануло по ушам. – Это будет гарантией, что тебе не взбрёт в голову какая-нибудь дурь.

Не ответив, я осторожно переложил Никиту на сиденье. Сняла пальто, свернула и подложила ему под голову. И снова поймала на себе пристальный взгляд мужа, но спрашивать на этот раз, чем он недоволен, не стала.

На улице было холодно. Платье не спасало ни от ветра, ни от усилившегося дождя. Не дожидаясь Женю, я пошла к подъезду и в момент, когда открыла дверь, почувствовала его присутствие.

– Решил меня проконтролировать? Думаешь, запрешь в квартире?

– Вряд ли. Твой мальчишка, как никак, у меня.

– Вот именно, – глянула я на него волком и зашла в подъезд.

Он, в сопровождении охранника, двинулся следом. Пока мы поднимались, я старалась не дышать. По крайней мере, глубоко. Лифт был маленький, тесный даже для нас с Воронцовым, из-за его громилы же было чувство, что пространства не осталось совсем. Хотя его бы не осталось, даже если бы он был размером с бальный зал.

– Ты странный, Женя, – грустно усмехнулась я, открывая замок.

– И чем же?

– Да так... Не могу тебя понять и всё.

Его молчание могло означать что угодно. Я сделала вывод, что ему и не было нужно, чтобы я понимала. Достаточно, чтобы понимал он. А он наверняка понимал. Иначе бы не затеял всё это.

- Останься снаружи, - неожиданно остановил он телохранителя, когда тот хотел зайти с нами.

Он возразил, что должен проверить помещение. И снова это резануло мне слух: ребёнок, помещение... Воронцов и его люди обесценивали и обезличивали меня и мою жизнь.

Пока я собиралась, Женя осматривал квартиру. Два шага в одну сторону, три в другую. Слегка утрировано, но, в сущности, так оно и было.

Сложив стопку одежды в лежащий на постели раскрытый чемодан, я пошла в ванную. Стоявший на пути Женя и не подумал сдвинуться с места. Пришлось протискиваться между ним и стеной. Неожиданно он упёрся рукой в стену, преграждая мне путь. Я вскинула голову.

- Этого ты добивалась? - спросил он со скрытой злостью. - Твой парень быстро вымахает. И что будешь делать? Прятаться в ванной, чтобы сменить трусы?

- Со своими трусами я как-нибудь разберусь, - я хотела обойти его с другой стороны, но он остановил меня. Удержал за плечо.

- Что же его отец тебе не помог?

- Его отец - редкостный мерзавец.

Женя хмыкнул. Недобро, с презрением. Отпустил меня, но продолжал смотреть.

- И ради этого ты всё разрушила... - снова хмыкнул, теперь с ещё большим презрением. - Стоило оно того?

Если бы я сделала хоть крошечный шаг, неминуемо бы дотронулась до него. Поэтому я стояла, вжавшись спиной в стену. Впервые за пять лет я была с ним

один на один. Слишком близко, чтобы ничего не чувствовать. Слишком горько, чтобы не помнить.

– Вот сам и ответь.

Он не ответил. Ладонь его оказалась около моей головы. Я вдохнула, втянула живот. Между нашими лицами оставались считанные сантиметры, его лоб почти касался моего, взгляд обжигал.

– Дай мне дособираться, – собственный голос я не узнала.

Женя убрал руку. Так резко, что я растерялась. Повернулся в сторону комнаты, а я так и прижималась к стене. Колени дрожали, в горле пересохло. Муж взял с тумбочки Никиткину игрушку. Бросил обратно.

– Собирайся, – он вдруг повернулся ко мне. Прошёлся взглядом с ног до головы, задержался на лице. – Бери всё, что тебе нужно. Другого шанса не будет. Больше ты сюда не вернёшься.

– Это ещё почему?

– Завтра банк забирает квартиру, – отчеканил он. – За неуплату.

– За какую ещё неуплату?! – вскрикнула я. – Не смей, слышишь, Воронцов?! – я подлетела к нему и схватила его за рубашку. – Ты не...

Он стиснул мою руку.

– Ты просрочила долг. На пять лет, Настя.

Я сглотнула. Женя дёрнул меня к себе и тут же выпустил.

– Теперь ты отдашь всё.

– Банку или тебе? – только и смогла выдавить я.

Его губы искривились, ладонь легла мне на шею.

- Банку ты отдашь квартиру. А мне... Мне всё, что я захочу.

Глава 6

Настя

- Рассказывай.

- Только не спрашивай ни о чём, ладно?

Мы с Никой одновременно замолчали. Её выразительный взгляд яснее ясного дал понять, что, хотя бы вкратце, но объяснить появление около центра Воронцова мне придётся. Я и сама понимала, что придётся, но как, не представляла. Нужно было начинать с самого начала, а это мало того, что было бы долго, так ещё и больно.

- Мы были женаты, - призналась я нехотя. - Но это давно кончилось, Ник.

- А Никитка...

Теперь я выразительно посмотрела на неё. И без того огромные глаза Вероники стали ещё больше.

Потуже затянув шнурок на ботинке, я вышла на лёд. До начала ледовой тренировки оставалось совсем немного. Хотелось покататься, пока не пришли дети. Это всегда помогало прогнать из головы дурные мысли. Правда, на этот раз мысли были как раз не дурные. Полночи я думала, что делать. Благо, на моём присутствии в своей постели Женя не настаивал и на исполнении супружеского долга тоже. Но что могло прийти ему на ум дальше?

Выход был один – попросить Нику о встрече с её мужем. Собираясь на работу, именно это я и думала сделать. Но потом поняла, что не должна вмешивать её в свои проблемы. Никого не должна. Наши с Женей отношения были только нашими. И разбираться в них нужно было только нам.

– Ты знаешь, – Вероника присоединилась ко мне, – я чего угодно могла ожидать, но такого...

– Когда мы поженились, я не думала, что Женя будет мэром, – со вздохом ответила я. – Я вообще не думала. Если бы думала...

Договорить я не успела. Наткнулась взглядом на подошедшего к бортику Степана Яковлевича. Сегодня он был ещё угрюмее, чем во время нашего разговора в кабинете. Смотрел на каток и на нас с Никой с непонятной мне решимостью.

– Что-то не нравится он мне, – озвучила мои мысли подруга.

– Подожди здесь, хорошо? – остановила я её, а сама подъехала к директору.

– Что случилось? – спросила я сходу. – И я не про центр, Степан Яковлевич. Что ещё случилось?

Он глянул на меня из-под бровей. Этот взгляд я запомнила с первой нашей встречи. Тогда он напугал меня – не умеющую ничего, кроме как стоять на коньках, девчонку с того и гляди грозящим начать лезть на нос пузом. Руководители двух школ до него вежливо отказали мне. От этой встречи я тоже ничего не ждала. Но Степан Яковлевич не посмотрел ни на моё положение, ни на отсутствие тренерского опыта.

– Знаешь, за что я тебя всегда ценил, Настя? – недолгая пауза. Я могла бы ответить, но предпочла выслушать его. – Ты редко заходишь издалека. И видишь то, чего многие не видят. Ещё ты не боишься показаться смешной.

– Здесь вы преувеличиваете, – я хотела улыбнуться, но улыбки не получилось.

– Нет. Но это не главное. Главное, за что я ценю тебя, – искренность и твоя интуиция.

Его слова про интуицию заставили меня напрячься. И не зря. Степан Яковлевич ещё раз обвёл каток взглядом и остановился на мне.

– Меня попросили покинуть место, – сказал он. – Вне зависимости от того, что будет с центром. Утром я ездил в департамент. Подписал заявление по собственному желанию.

– Вас переводят? – уточнила я, не до конца понимая.

– Нет, Настя. Не переводят. Я, чёрт подери, всю жизнь отдал своему делу, а меня, как щенка за шкуру... – в сердцах рубанул он рукой. – Твари. Да чёрт бы с ними. Жалко центр. Я за него готов был бороться. А так... кому он нужен? Дети кому нужны?

– Мне, – решительно заявила я, прямо посмотрев ему в глаза. – Мне нужны. И дети, и центр. И вы мне нужны, Степан Яковлевич. Я и за вас поборюсь, будьте уверены.

Сказав это, я открыла дверцу.

– Отпустите меня сегодня?

Он нахмурился. Понял ли что-нибудь? Вряд ли. А вот я всё поняла. Всё, провались пропадом этот сукин сын!

Охранник в городской мэрии остановил меня ещё на подходе к рамкам. До сегодняшнего дня бывать мне здесь не приходилось. Но Воронцов не оставил выбора.

– Вы записаны на приём?

– Да, – ответила я, не колеблясь.

– Ваш паспорт.

Достав, я хлопнула им по стойке. Охранник хотел взять его, но я придержала ладонью.

– Вряд ли я есть в ваших списках.

– Если вы записаны на приём...

– У меня пожизненная запись на приём, – перебила я его раздражённо.

Он непонимающе уставился на меня. Меня это взбесило. Виноват он, как и личный охранник моего мужа был только в том, что выбрал в качестве работодателя ещё ту сволочь. Но я была не в настроении держать ярость внутри.

– Воронцов у себя?

Он замялся. Видимо, отвечать на такие вопросы ему было не положено.

– У себя или нет, я спрашиваю?! – спросила я ещё резче.

– Успокойтесь, – я заметила, как он нажал кнопку на телефоне внутренней связи.

Решил подмогу вызвать? Отлично! Прищурившись, я бросила ему паспорт. Тот пролетел и шмякнулся ему об грудь. Послышались шаги, возле первого нарисовался ещё один охранник.

– Вам лучше покинуть здание, девушка, – обратился он ко мне.

– Здание я не покину, – я повернулась к нему. – Что мне лучше, решать не вам. А вот что лучше сделать вам, я скажу: вам лучше сообщить Воронцову, что пришла Настя. И что Настя очень хочет его видеть.

Первый охранник хмыкнул. Весело ему?! Мне вот было совсем не весело. Мужчина, пять лет назад выставивший меня из своей квартиры, а заодно и из

жизни, решил вдруг, что может разрушить мою. Весело?!

- Тут таких Насть...

- Таких Насть тут может быть сколько угодно. Но жена у вашего хозяина одна.

Глупая ухмылка так и застыла на губах охранника. Кашлянув, он покосился на второго. Тот молчал.

- Вы всё правильно поняли. Я - жена Евгения Воронцова. Поэтому лучше вам сообщить ему, что я тут. И побыстрее.

В извинениях передо мной, само собой, рассыпаться никто не спешил, как и принимать на веру услышанное. Отведя меня в сторону, охранник сказал, чтобы я подождала. Сам же взялся за рацию. Ждать пришлось недолго - через несколько минут возле поста появился высокий молодой человек. Впечатление создавалось, что отглажен у него не только пиджак, но и лицо.

- Пройдёмте со мной, Анастасия Сергеевна, - перекинувшись несколькими словами с помрачневшими блюстителем спокойствия моего мужа и его окружения, обратился он ко мне.

Я поднялась с кресла. Усмехаться больше никто и не думал.

Кабинет мэра находился на третьем этаже. Пройдя по широкому, застеленному шикарным ковром холлу, мы оказались в приёмной. Молоденькая, похожая на пухлую куколку, секретарша со стрижкой каре уже ждала нас.

- Пройдёмте, - встретив, она повела меня дальше, к деревянной двери, которая вполне могла бы занимать достойное место в замке средневекового лорда. Красиво и неприлично дорого.

Как ни старалась она скрыть интерес, было ясно, что моё неожиданное появление привело всех в замешательство. Я тоже не удержалась, присмотрелась к ней. Хорошенькая. Учитывая, что всё, окружавшее моего мужа,

должно было доставлять ему удовольствие, это было не удивительно. Вопрос был лишь в том, какого именно рода удовольствие она ему доставляла.

Развить мысль я, к счастью, не успела. Секретарша распахнула дверь и вошла со мной в кабинет.

Женя стоял, опираясь о массивный стол. Взгляд его был прикован ко мне: тяжёлый, холодный.

– Свободна, Мара, – не посмотрев на помощницу, бросил он.

Я почувствовала, как колыхнулся воздух у меня за спиной. В кабинете повисла тишина.

– Я тебя внимательно слушаю, – наконец сказал Женя.

– Нет, Воронцов, – решительно подошла ближе, – это я тебя слушаю. Какого чёрта ты лезешь туда, куда лезть права у тебя нет?! Кто ты такой, чтобы расставлять людей, как фигурки на шахматной доске?! Ты...

Вместо ответа он показал табличку с собственным именем, рядом с которой лежала его ладонь. Вот же мерзавец!

– И что дальше?! Считаешь, если ты сидишь в этом кресле, можешь швырять людей, как тебе заблагорассудится?! И не надо говорить, что ты не имеешь никакого отношения к тому, что Петрова заставили написать заявление! Не поверю!

– Я и не собирался этого говорить, – со скучающим видом ответил он. – Я тебя предупредил, Настя. Ты не послушала.

Я стиснула зубы. Руки сжались в кулаки сами собой. Я ничего не могла сделать, и Женя это знал. Во взгляде его сквозила уверенность в собственной неуязвимости.

– И что ты хочешь? Чтобы я была послушной женой? Заглядывала тебе в глаза и виляла хвостиком?

– Неплохо, – он слегка склонил голову, словно прикидывал, как это будет выглядеть. – Но для начала научись делать то, что я тебе говорю. Это избавит нас с тобой от множества проблем.

– Ты себя слышишь?! – окончательно вспылив, я преодолела оставшееся между нами расстояние. – Ты приказал лишить человека дела, которому он посвятил всю жизнь, только потому, что я не поехала в салон?!

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Теперь ты понимаешь, что я не намерен бросаться словами. Ты будешь делать так, как нужно мне. На этом всё.

– Не всё, – процедила, глядя на него снизу вверх. – Ты вернёшь Петрова на место, понял?! Он тут ни при чём!

– Это не имеет значения, – он переложил подкатившуюся к краю стола ручку по другую сторону от таблички. Снова поднял взгляд на меня. – Ты правильно сказала – тебе я ничего не сделаю. Но у меня много других рычагов давления. И я буду жать на них, пока не добьюсь своего.

Я поглубже вдохнула, стараясь унять ярость. Женя всегда умел использовать слабости окружающих в своих интересах. И злость тоже. Чтобы быть с ним на равных, мне нужно было думать рационально, хотя бы настолько, насколько я теперь могла делать это.

– Не боишься, что в один далеко не прекрасный момент обломаешь зубы? Твой предшественник, помнится, закончил не очень хорошо. Излишняя самоуверенность никого не доводит до добра.

– Излишняя не доводит, – согласился он. Нажал кнопку на аппарате внутренней связи и распорядился: – Мара, принеси два кофе. Отдельно сливки и сахар.

Секретарша в ответ пискнула, но он её даже не дослушал. Скрестил руки на груди. Только что во взгляде его сквозило надменное спокойствие, теперь меня обдало холодом.

– В четверг мы идём на приём. Ты должна быть на высоте. Во всём, Настя, – сказал он и подчёркнуто повторил: – Во всём. В твоих интересах, чтобы я остался

тобой доволен.

- А если не останешься?

- Тогда мы продолжим с этого места. Твоя подружка, кажется, работает на дому? Как у неё дела с налогами? С самозанятых, конечно, много не возьмёшь, но, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

- Сукин ты сын, - прошипела я с ненавистью.

Он усмехнулся.

- Ещё есть твоя помощница. Вероника. Её брат неплохо устроился. А говорят, бывшие наркоманы...

- Хватит! - резко оборвала я его. - И если уж на то пошло, соваться к Нике я тебе не советую. Раз уж ты так хорошо осведомлён обо всех, кто меня окружает, должен знать, что она не девочка с улицы. Или хочешь помериться силами с её мужем? Смотри, как бы боком не вышло.

- В четверг мы идём на приём, - повторил он. - Продолжим после этого. А сейчас у меня много дел.

Взгляд его устремился к двери одновременно с раздавшимся в кабинете деликатным стуком. Подождав несколько секунд, в кабинет вошла секретарша. Ничего не говоря, поставила на стол поднос и всё так же молча ушла, предварительно взглянув на начальника с немым вопросом. Он проигнорировал её. Я дождалась, пока она уйдёт.

- На приём ты пойдёшь без меня. В среду я уезжаю в Сызрань и вернусь только в воскресенье. У моей ученицы важные соревнования.

- В четверг ты идёшь со мной на приём, - он налил в кофе сливки. Взял кусочек сахара, но передумал и вернул на блюдце. - Твоя ученица может ехать куда угодно, ты - нет.

- В среду я уезжаю в Сызрань, Женя, - отчеканила я в ответ.

- Нет.

- Да, - сказала я ещё твёрже.

- Хорошо, - неожиданно согласился он, немного помолчав и отпив кофе. - Но учти, сделаешь по-своему, что-то может пойти не так. У твоей подруги, ученицы...

Его угроза должна была остановить меня. Но вместо этого она дала мне силы и решимость.

- Знаешь, что... Тебе не жена нужна, а кукла. Она не будет с тобой спорить, у неё не будет собственной жизни. Сможешь одевать её, во что захочешь, таскать, куда захочешь. Даже трахать её сможешь. Сплошное удовольствие и никаких проблем.

- Трахать я могу и тебя.

- Можешь, - я шагнула к нему. Дотронулась до его груди и шепнула. - Но я постараюсь сделать всё, чтобы тебе это не доставило удовольствия, - я резко ударила его по руке, в которой он держал чашку, и тут же отступила назад.

Женя зашипел, выругался. Сука было самым приличным, что я услышала в свой адрес. Но мне было всё равно. Больше ничего не сказав, я вышла из кабинета.

- Твой хозяин обляпался, - бросила я вставшей навстречу Маре. - Помоги ему. И сделай это так, чтобы он получил максимум удовольствия.

Она непонимающе хлопнула глазами. Я махнула на кабинет и вышла из приёмной.

Сволочь! Какая же он сволочь! Как бороться с ним, я не знала, но знала - поддаваться ему нельзя. Иначе я стану куклой, которую можно одевать, во что вздумается, таскать на приёмы и трахать. Удобной куклой для господина мэра.

Глава 7

Настя

Постепенно замедляющий ход поезд остановился. Проверив, всё ли на месте, я открыла купе. Никита сразу же вышел в тесный коридорчик вагона, за ним – просидевшая последние минуты не шевелясь, Арина. Эти соревнования были для неё первыми серьёзными в только начинавшейся карьере. Как ни пыталась она скрыть волнение и неуверенность, я слишком хорошо знала, как это бывает.

– Ты лучше всех, – я остановила её в дверях, положив руку на плечо. – Но тебе это ещё предстоит доказать. Прежде всего, самой себе. – Девочка задрала голову, и я улыбнулась ей. – Я с тобой. И твоя мама тоже, – я посмотрела на завершавшую нашу процессию женщину.

По проходу потянулись пассажиры. Наше купе было в самом хвосте, так что пришлось ждать своей очереди.

– Не торопись, – придержала я сына, когда тот попытался протиснуться вперёд.

За несколько проведённых в тесном купе часов он устал, накопившаяся энергия требовала выхода. Я с тревогой подумала о завтрашнем дне. Само собой, ни о каком походе на приём речи идти не могло. Выбор был очевиден. Жене я была нужна только для антуража. А для Арины то, буду я стоять возле борта или нет, имело, возможно, решающее значение.

В тамбуре я пропустила маму Арины вперёд. Сама взяла за руку сына.

– Я помогу, – проводница придержала наш чемодан. – Всего вам доброго.

– И вам, – ответила я и подняла взгляд.

Прямо на перроне, напротив вагона, стоял чёрный внедорожник. Возле него – трое мужчин.

Пальцы похолодели. Одной рукой я стиснула ручку чемодана, второй – ладошку Никиты. Разговора о моей поездке в Сызрань больше не заходило. Целыми днями я пропадала на катке, вечера проводила с Никитой. С Женей мы почти не встречались. За три дня пересеклись только один раз – поздним вечером, когда я вышла за водой. Где он пропадал, я не знала, но настроение его оставляло желать лучшего. Проблемы? Сочувствия я не испытывала. Наоборот.

– Мам, это же дядя Женя! – воскликнул Никитка.

Это и правда был Женя. Одетый в чёрное пальто, он стоял на фоне огромной машины, убрав в карманы руки. По обеим сторонам – охрана.

Проходившие мимо пассажиры задерживали на нём взгляды и спешили прочь. Чувствовали опасность и предпочитали поскорее убраться.

– Анастасия Сергеевна, – позвала меня мама Арины. – Что-то случилось?

– Нет, – сказала я тихо, предчувствуя, что будет дальше. – Всё хорошо. – Я посмотрела на ученицу. – Возможно, вместо меня приедет Вероника, Арин.

Девочка занервничала. Но объяснять времени не было, да и вряд ли бы я смогла это сделать.

Дождавшись, пока народ у вагона рассосётся, Женя подошёл к нам. Его пальцы скользнули по моим, чемодан оказался в его руках и следом перекочевал к одному из охранников.

– Ты слишком предсказуема.

– Ты тоже, – ответила я, не отводя взгляда.

Предполагала ли я, что он попытается остановить меня? Разумеется. Он всегда был не из тех, кто отступает в сторону, если дело касается его интересов и принятых им решений.

– Езжайте в гостиницу, – обратилась я к Арине и её маме. – Арин, помни всё, о чём мы разговаривали. Я тебе попозже позвоню, хорошо?

– Значит, вас со мной не будет на соревнованиях? – почти плача, спросила девочка.

Я закусила губу, отрицательно качнула головой и перевела взгляд на Женю. Больше ничего не сказав, я обошла его и сама посадила сына на заднее сиденье. Уселась следом и уставилась сквозь окно на опустевшую платформу. Могла бы сказать, что ненавижу день, когда впервые встретила своего мужа. Но рядом сидел Никитка, и только из-за него сделать этого я не могла. Не познакомься я с Евгением Воронцовым, не было бы и его. Всё просто.

Крышка багажника хлопнула. Один из охранников занял место спереди, другой дождался, пока Женя сядет рядом со мной, и присоединился к своему товарищу.

Мы проехали мимо идущей вдоль поезда Арины. Голова её была опущена, на худеньких плечиках болтался огромный рюкзак, в котором лежали коньки. Она никогда не оставляла их без присмотра. Не доверяла даже матери, и это выдавало её характер.

– Когда-нибудь эта девочка станет чемпионкой, – сказала я тихо. – Но завтра у неё первый важный старт в жизни. А я, вместо того, чтобы выводить её на лёд, должна буду провести вечер среди людей, которые обо мне забудут, как только отвернутся в другую сторону. Считаешь, это правильно?

– Почему нет? – отозвался он. – Да и не стоит загадывать так далеко. Случиться может всё, что угодно. Когда-то ты тоже грезилась медалями. А что в итоге?

Я отвернулась к окну. Никита затянул неразборчивую песенку, начал болтать ногами. Ударил меня по голени раз, другой, завывая всё громче.

– Прекрати, – шикнула я на него, но Никита не перестал. – Прекрати! – зашипела я громче. – Прекрати, Никита!

На глаза навернулись слёзы. Да, в итоге не случилось ничего. Свадьба, травма и вердикт врача – никакого спорта. Если бы продолжила, то с высокой долей вероятности впоследствии не смогла бы выносить ребёнка. Бедро просто не выдержало бы. Дорога в спорт была для меня закрыта.

- Хватит! - уже сквозь слёзы прикрикнула я на сына и прикусила губу.

Никита наконец присмирел. Поднял голову. Я бы отвернулась, чтобы он не видел моих слёз, но с другой стороны сидел Женя, и я знала, что, если повернусь, встречу с ним взглядом. Так какая разница, в какие глаза смотреть: ярко голубые или цвета металла со льдом, если суть одна - не спрятаться. Ни от прошлого, ни от настоящего.

Прошное

Тренер подала мне снятую минуту назад толстовку. Посмотрела строго.

- Мария Николаевна, - протянула я.

- Это у тебя сейчас адреналин, - непререкаемо отрезала она, - а завтра сляжешь с температурой. И кому будешь рассказывать, что тебе жарко?

Пришлось послушаться. Толстовку я надела, но застёгивать не стала. Только что объявили мои оценки за прокат короткой программы. Второе текущее место. Если бы не оступилась на выезде с прыжка, могла бы получить больше баллов и, может быть, обогнать девочку из Японии. Но впереди была ещё произвольная, и я не собиралась отступить.

Возле нас началось непонятное движение. Мы с тренером повернулись.

- Прекрасный прокат, - сказал подошедший к нам мужчина. Высокий, с чёрными, чуть вьющимися у висков волосами. В руках его была белая роза. - Я не очень разбираюсь в фигурном катании, - улыбнулся он, - но уверен, что вы должны были занять первое место. - Он протянул мне цветок. - Меня зовут Евгений. Евгений Воронцов.

- Анастасия Соловьёва, - я взяла розу и улыбнулась.

Щёки залил румянец, когда на его щеке появилась ямочка. Сама не знаю, почему смутилась. То ли потому, что пальцы его невзначай коснулись моих, то ли оттого, что под его взглядом не смутиться было трудно.

– Хорошего выступления вам завтра, Настя. Может быть, я заеду посмотреть на вас.

Настоящее

Он действительно заехал. На тех соревнованиях я стала всего лишь третьей, но для фигуристки, не входившей в состав основной сборной, это было хорошим результатом. С катка в тот день я ушла с букетом белых роз и большим плюшевым мишкой. Счастливая, полная ожиданий, надежд и окрылённая странным чувством.

– Почему мы опять едем? – недовольно спросил сын и снова принялся болтать ногами. – Мне надоело ехать.

Мне тоже надоело. Но что я могла сделать?

– Никит, веди себя нормально, ладно? Прекрати болтать ногами. – Сын всё-таки успокоился. Я повернулась к Жене. – У меня всё равно нет платья.

– Твоё платье в багажнике. Туфли тоже. – Он посмотрел на часы. – Времени впритык, но, так и быть, остановимся у придорожной забегаловки. Не в машине же тебе переодеваться.

Вскоре мы действительно подъехали к кафе. Одноэтажная постройка выглядела сомнительно, но внутри всё оказалось не так плохо, по крайней мере, столики были чистыми, а запах свежей выпечки и кофе вызывал желание остаться. Быстро просмотрев меню, я сделала заказ. Заметила, что сын переминается с ноги на ногу. Не удивительно, учитывая, что незадолго до прибытия в Сызрань он напился чая.

– В туалет хочешь?

Он кивнул. Можно было и не спрашивать. Мне и самой туда было нужно. Но только я хотела отвести его, он заартачился.

- Там для девочек. А я хочу туда, где для мальчиков.

Ничего себе заявления. Я даже в ступор впала. Раньше он спокойно ходил со мной, а тут на тебе.

- А я не хочу туда, где мальчики, - я приоткрыла дверь, дожидаясь, пока он сдастся. - Что будем делать?

Никита насупился. Сдаваться ему не хотелось, но и терпеть, видимо, сил уже не было. Но только я собралась поторопить его, к нам подошёл Женя.

- Пойдём, - не спрашивая, он показал он сыну на другую дверь. Мне оставалось только поджать губы и выразительно посмотреть на мужа. В его взгляде была насмешка. Никита, само собой, с готовностью принял предложение.

- Сам переодевать его будешь, если промажете, - предупредила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kovalevskaya_alisa/zapreschayu-tebe-uhodit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)